

ДОЖДЛИВЫЙ СЕНОКОС

Командировать на сельские работы

Дождливое лето 1979 года вынудило руководство Ярославской области объявить чрезвычайное положение с заготовкой кормов в колхозах и совхозах и обязало директоров предприятий выделить дополнительную помощь людьми и техникой на сенокосные дни. В результате на производстве оголились целые участки, в некоторых цехах остались лишь жизненно необходимые службы. От Ярославского судостроительного завода тоже дополнительно направлялись работники в шесть подшефных хозяйств, и самая большая группа ехала в совхоз «Новоселки» на месячный срок в количестве 104 человека. По сути, это была сборная команда почти от каждого подразделения завода.

На автобусах более чем за сотню километров до подшефного хозяйства судостроители добрались благополучно. «Прелести» начались по месту прибытия. До темноты успели почти всех разместить по помещениям, благодаря толковому заместителю управляющего совхоза. Основные площади для проживания были выделены в пустовавшей в летние каникулы местной школе. Он по-доброму с шуточками давал оценку местного быта.

- Школа – не гостиница, удобства ограничены, но умывальное помещение есть, туалеты есть. Зато здание утопает в зелени - сколько деревьев окружают здание, какой воздух. Рядом спортивная площадка, при желании - можно размяться.

Кто-то бросил реплику:

- На сенокосе разминки хоть отбавляй.

- Молодые, да здоровые – энергии на всё хватит. На сенокосе работают одни мышцы, на перекладине или брусках – на другие.

Заходя в помещение учебного класса, он, например, говорил:

- Здесь до войны был кабинет физики, у этой доски я отвечал на вопросы учителя, получал и двойки и пятерки. Пусть эти классы напомнят вам школьные годы - лучшее время нашей жизни.

Женщин - четырнадцать человек удалось поселить в другое отдельное помещение, - подобие совхозной гостиницы, чему они были очень довольны. И здесь Андрей Никанорович (так звали заместителя), не оставил девушек без доброго слова:

- Номера, конечно же, ниже европейских стандартов и, может, недостойны вас – красавиц да разумниц, зато будите жить по четыре человека в комнате, не как мужской персонал, - по 8-12 человек.

Школьное здание в селе вроде большое – можно поселить всех, но не каждое учебное помещение можно использовать. Закрыты были по понятным причинам классы музыки, физики, химии, канцелярия. В итоге выяснилось, что без койко-места оказались старший группы Федор Федорович и его заместитель Владимир Николаевич.

«Прелести» по приезду, как уже говорилось, начались отнюдь не по вине совхоза, причиной тому оказался родной завод. Дело в том, что в момент отъезда из Ярославля заместитель директора по кадрам Саватин Юрий Александрович заверил Федора – старшего группы:

- Через полчаса вслед за вами выедет грузовая машина с постельными принадлежностями на 104 человека, лично прими и сосчитай.

Однако прошло несколько часов, людям спать пора, а ни матрасов, ни одеял, ни простыней, ни подушек нет. Федор попытался дозвониться до заместителя директора, но телефоны его молчали - и на работе, и дома. Самые предприимчивые из приезжих начали таскать солому в помещения вместо матрасов, другие приспособляли на пружинные кровати свою верхнюю одежду. Однако многие молодые ребята спать в эту ночь, похоже, и вовсе не собирались. Перед отъездом все получили деньги на прожитие и, естественно, взяли с собой на первое время что-то перекусить, и как водиться, выпить, словом, отметить начало сельских работ. Предотвратить коллективную пьянку не было никакой возможности, - в день заезда это действие было в какой-то степени традицией. Ситуацию усугубило еще одно обстоятельство: старшие от цехов и отделов почему-то назначены не были, потому Федор и Владимир в первый вечер ситуацией не владели.

К счастью, в этот вечер из министерства из Москвы в Ярославль возвращался директор завода Ковалев Владимир Андреевич, и решил узнать, как разместили работников в совхозе, и был, по его словам, «шокирован ситуацией». Люди сидели на голых кроватях, многие были навеселе и распевал песни, кто-то рассказывал разные истории, кто-то продолжал трапезу. Естественно, увидев своего главного руководителя, народ окружил директора, наперебой высказывая претензии. Владимир Андреевич потребовал к себе Федора Федоровича и старших от цехов, но таковых не оказалось. Директор заверил присутствующих, что разберется сразу же по прибытии в Ярославль о судьбе машин с постельными принадлежностями, а Федора Федоровича обязал, как только придут машины – сообщить ему лично. На завод директор приехал уже в полночь, звонит своему заместителю Саватину Ю.А. - оказалось, что про постельные принадлежности попросту забыли. Ведь отправляли шесть групп в один день в разные хозяйства области, и получилась промашка. К чести руководства, ночью постельные принадлежности со склада были отгружены, и в четыре часа утра машины прибыли в совхоз по назначению.

Словом, к утру все получили постельные принадлежности. Бытовые претензии тоже улажены: например, кое-где в классных помещениях школы

отсутствовали лампочки, а в совхозном общежитии электричество вообще было отключено. Людям, в виде компенсации за неурядицы, было объявлено, что все до обеда могут отдыхать. А после обеда, для разминки перед сенокосными работами, все пойдут в березовую рощу заготавливать веники для овец.

А на заводе в тот день события развивались по своему сценарию. Директор вместо планерки собрал расширенное совещание, где решался главный вопрос: как выполнить месячный производственный план при отсутствии около 15% работников предприятия, – посланных в колхозы и совхозы области. На том же совещании директор поделился своими впечатлениями о посещении совхоза «Новоселки». Сказал, в частности, что руководители подразделений завода при отправке работников в колхозы и совхозы ситуацию пускают на самотек: старших от цехов и отделов не всегда назначают, даже постельным бельем отъезжающие не были обеспечены. И никто из руководителей подразделений не попытался узнать, как же устроились на селе его подчиненные. В результате вечером в совхозе получилась коллективная пьянка: кроме старших, вся команда оказалась в нетрезвом состоянии. Директор, для обострения разговора, конечно же, утрировал ситуацию, - больше половина людей были трезвыми, в том числе все девушки и женщины.

На месте бывшей усадьбе

Хотелось бы поговорить не столько о сенокосной работе заводчан - рядовом случае Советской действительности. Сколько о здоровой крестьянской семье того совхоза: дружной, любящей, трудолюбивой. В море казенщины тех лет, навязанных когда-то большевиками крестьянству, хозяин этого семейства сумел отвоевать кусочек земли под небом, обустроил его, где трудовая и личная жизнь протекала интересно и с пользой для подрастающего поколения. Одним словом, понаблюдаем в течение месяца здоровую и красивую русскую семью, каких почему-то становится все меньше в нашем обществе.

Как уже говорилось, руководителю группы и его помощнику мест не хватило. Ранним утром, по прибытии машин с матрасами и прочим постельным бельем, когда все местами и постельными принадлежностями были обеспечены, дошла очередь и до старших. Но как говорит народная мудрость: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Заместитель управляющего Андрей Никанорович - бывший фронтовик и офицер, человек спокойный и рассудительный, долго ломал голову, куда же пристроить еще двух людей, с которыми ему постоянно придется иметь дело. Время уже шесть утра, а ребятам и голову приклонить некуда. Он уже хотел было определить их на частную квартиру, даже фамилию хозяйки назвал, и вдруг с облегчением вздохнул:

- Да, пошли ко мне, дом большой – всем места хватит. Можно в садовом домике поселиться, который находится на берегу водоема, - будите жить отдельно от хозяев, никто вам мешать не будет.

И прямодушно добавил:

- Раз о себе подумали в последнюю очередь, значит – ребята стоящие.

Федор с Владимиром забрали свои рюкзаки с пожитками из автобуса и отправились с «Никанорычем» (так звали заместителя управляющего местные жители), к нему домой. Личное хозяйство его оказалось на околице - за селом.

- Как же так получилось, что Ваш дом оказался на отшибе? – спрашивает Владимир хозяина, когда они шли краем села.

- Был когда-то не на отшибе и даже за наш дом продолжался посад села. Некоторые крестьянские хозяйства были раскулачены во времена коллективизации, а их семьи высланы, другие не захотели работать в колхозе, и под разными предлогами разъехались – кто куда. Так мы и остались на «Хуторе». Во всяком случае - так прозвали нас сельчане, потому что мы оказались, вроде как на выселках - отдельным селением.

- А где же дом-то, за этим леском что ли? – поинтересовался Федор.

- Это не лес, а зеленые посадки вокруг бывшей усадьбы, заложенных еще прежними хозяевами себе на беду. И вообще, место оказалось несчастливим. До революции 1917 года тут было барское поместье – красивое и просторное деревянное строение, людская, другие тоже деревянные подсобные помещения, а вот конюшня была кирпичная. После нескольких погромов, устроенных местной вольницей, семья помещика вынуждена была куда-то уехать. Опустевший красивый дом какие-то недоумки подожгли, вместе с домом сгорели все деревянные строения, осталась одна конюшня. На месте, окруженной тенистым садом усадьбы, осталось пепелище. Потом оно заросло бурьяном. Конюшню и ту постепенно растащили на кирпичи.

- Вот результат, когда власть переходит к толпе, - резюмировал Федор.

Да, но разрушение на этом не закончилось. Ведь центральная власть тоже оказалась в руках фанатиков, авантюристов и той же толпы. Я долго и мучительно думал на эту тему, хотел до всего дойти сам – понять: зачем нужна была эта революция. Однако доскажу о судьбе усадьбы, - было её продолжение. После Гражданской войны на пожарище построился преуспевающий трудяга-крестьянин. Как известно, в 20-е годы крестьян, включая середняков и зажиточных – цвет крестьянства, новая власть даже поощряла: «работайте и богатеите». Но в начале 1924 года умирает Ленин и многое изменилось в не лучшую сторону. Вскоре настало время и вовсе бредовых идей. Во время сталинской коллективизации наиболее успешные крестьянские хозяйства – маяки передового опыта (как сейчас выражаются), почему-то объявляются врагами народа. Вместо поощрения, началось их уничтожение – раскулачивание: отнимали дома, сельхозинвентарь, зерно и

целыми семьями (включая стариков и младенцев), высылали в отдаленные места. В огромном государстве большевики устроили «дурдом». Вот и моего предшественника выслали то ли на Север, то ли в Сибирь. В его просторном доме устроили избу-читальню, в большом хозяйственном сарае была одно время колхозная конюшня.

В начале сороковых годов в избе-читальне по неосторожности случился пожар. Сгорел не только жилой дом, но и большой хозяйственный сарай. Слава Богу, успели спасти лошадей. После войны, прежде чем мне разрешили тут построиться, я пытался разыскать бывшего хозяина, но в НКВД мой знакомый – тоже фронтовик, по секрету сказал, что по их сведениям семья прежнего владельца погибла. Про себя я решил: если хозяин все-таки вернется, я отдам ему дом безвозмездно, ведь он и так натерпелся. Но чуда не произошло.

- Андрей Никанорович! Не побоялись известной пословицы: «Два пожара были – третьего не миновать», - осведомился Владимир.

А я рассудил по- фронтовому: «В одну и ту же воронку трижды снаряд не попадает».

- Хорошо, что хвоя – посадки вокруг дома при пожарах не взялись, - заметил Федор.

- Видимо, барский дом строили не дилетанты, предусмотрели противопожарный разрыв между строениями и посадками.

Чем ближе они подходили к «Хутору», тем внушительнее казались вековые хвойные деревья, посаженные когда-то по периметру усадьбы, с примесью лиственной растительности, выросшей диким образом вдоль зеленой полосы. Они прошли через зеленую полосу. Из за старых яблонь показалась крыша с красивой резной светелкой, а затем - и весь дом с четырьмя окнами по лицу. Рядом с жилищем среди зелени проглядывались и другие постройки. Дом и другие подсобные строения снаружи обнесены забором из крашеного штакетника светло-зеленого цвета. Вовнутрь усадьбы (дом в окружении садовой зелени смотрелся усадьбой), вели ворота тоже из штакетника для проезда транспорта, а справа из того же штакетника, аккуратная светло-зеленая дверь - для людей.

- Штакетником я обозначил свои сорок соток земли, чтоб чиновники ко мне не имели претензий, - пояснил Никанорыч.

- Не плохо бы каждому колхознику иметь такой «Хутор»! – удивился Владимир.

- Да что вы, после двух пожаров местные жители считали это место несчастливым, вроде как заговоренным, многие обходили бывшую усадьбу стороной.

Дверь забора была полуоткрытой, из нее с радостным лаем выскочила серой масти крупная собака непонятной породы и, увидев с хозяином двух незнакомцев, резко остановилась, и вопросительно взглянула на хозяина.

- Свои - Трезор, свои! Не беспокойтесь, он вас не тронет. Верно Трезор, - и хозяин потрепал его по загривку.

Пес обнюхал пришельцев и как старым знакомым завилял хвостом.

- Андрей Никанорович, откуда у Вас эта собака? – поинтересовался Федор.

- Фронтовой приятель еще щенком привез мне на день рождения.

- Дело в том, что подобную породу я встречал в Алтайской тайге у охотников. Масть, габариты и повадки – все совпадает. Там собаки не от людей, а от зверей. Лают, пока кто-то из хозяев не выйдет из дому. Появился хозяин, и собаки гостям завиляли хвостом.

- Надо же, а ведь привез он её откуда-то из тех краев, сам он из Новосибирска. И не спросишь теперь, в живых уже нет моего задушевного товарища. Если бы не он, может, я и живым-то не остался, сколько раз нам приходилось друг друга выручать в боевой обстановке, - со светлой грустью произнес Никанорыч.

- И спрашивать не надо, Алтайские горы начинаются в пятистах километрах южнее Новосибирска, по сибирским меркам – совсем рядом, - с уверенностью произнес Федор.

На лай собаки сбоку из-за посадок разлапистых елей, что росли недалеко от забора, выбежала девчужка-подросток в цветастом выгоревшем платице и с копной длинных густущих волос цвета спелой ржаной соломы.

- Па...! – Громко крикнула она и осеклась, увидев незнакомых людей.

Это моя дочка-юла – Юля её звать. Знакомься, это наши будущие постояльцы (он назвал ребят по имени), приехали из города помогать сено убирать. К нашему удивлению, девочка подошла, подала молодым людям руку и официально произнесла:

- Юлия! Проходите, располагайтесь.

Федор удивленно посмотрел на девочку, потом на отца, тот улыбнулся и обронил:

- Знай наших! – И к дочери: - Чем же мои юные хозяйки занимаются?

- Мы за полосой сено косим! - С оттенком гордости произнесла дочь.

- Ого! - Опять не сдержал Федор своего удивления.

- И Андрей Никанорович пояснил:

- Прокос ведут втроем - идут друг за другом, - жена, старшая дочь, а за ними Юлька тянется. Для неё я специально маленькую косу насадил.

Федору подумалось: «Какое удачное имя, если от слова юла». Девочка была подвижная и солнечная, как горный ручеек.

- Дочка, отведи молодых людей в садовый домик, и замени на кроватях белье, пусть они отдохнут до обеда, а то ночью ни ребятам, ни мне поспать так и не пришлось.

- В садовый? – с оттенком недоумения переспросила девочка.

- Ну да! – там никто их тревожить не будет.

- Аха, - папа.

Молодые люди вошли на территорию сада-огорода. Тропка огибала террасу дома и уходила за строение. По забору перед домом и сбоку росли разные фруктовые деревья, а яблони виднелись даже за картофельным участком. Юля все больше входила в роль хозяйки и по пути сбивчиво и мило тараторила гостям:

- Возле крыльца у нас грядки, дальше картошка, захотите придти в дом, то через терраску. Эта дверь и ворота ведут во двор, там у нас корова, теленок, овцы и лошадь совхозная, «Мерлин» его зовут, на нем папа ездит по бригадам. Рядом гараж, туда иногда папа ставит совхозный «УАЗик». Часть двора занимает птичник, там у нас куры, гуси и ворон Сашка живет.

- Ворон живет и не улетает, - прервал монолог девочки Федор.

- Улетает и прилетает, он еще почти птенец, - и продолжила: - Домик, где вы будете жить, стоит на берегу пруда. Вам там будет хорошо. Папа говорит, что там сон крепкий. Если будет жарко, откроете окна, а чтоб комары не кусали - на окнах снаружи марля натянута. Там иногда мама с папой ночуют, иногда - мы с сестрой. Когда брат приезжает в отпуск, то спит только в садовом домике.

- Где же твой брат работает? – спрашивает Владимир.

- Он не работает, а служит в армии офицером.

- А ты-то после школы, куда учиться пойдешь? – осведомился Федор.

- Я еще точно не решила, вернее, решила, только или-или-или.

Спутники юную хозяйку не совсем поняли, и Владимир уточнил:

- Три возможных варианта что ли?

- Аха!

- Наверное, надо начать с того, какие предметы в школе тебе нравятся больше всего? – советует Владимир.

- Все нравятся! - Не задумываясь, отвечает Юлька.

- Но ведь есть самые-самые, к чему у тебя душа больше лежит. Или еще проще: кем ты хочешь стать в жизни желаннее всего. Вот брат твой - офицер, а ты кем будешь: агрономом, заотехником, учителем? – Не понимает Владимир.

- Хочу стать агрономом, врачом и арни... арнил..., ну, таким биологом, который птиц изучает.

- А в биологии орнитологом, - пытается за Юлю сказать трудное слово Федор.

- Ну да! Орнитологом!

- Ах, вот откуда эти три «или-или-или», - подытожил Володя.

Видимо, девчужке надоел «академический разговор» и она живо сообщила:

- А к нам на пруд прилетают дикие утки, чайки и разные кулички по ночам. Вы птиц, пожалуйста, не пугайте, я изучаю их поведение.

- Да где же пруд-то, - недоумевает Владимир.

- Счас, счас – за яблонями! - Весело отозвалась девочка и побежала вперед.

Она на бегу несколько раз крутанулась, как бы приглашая следовать за ней, и Федор опять подумал: «И, правда, – юла».

Около их объявился Трезор и неспешно потрусил рядом с постояльцами. Владимир заметил:

- Ты смотри-смотри, Трезор нас догнал и сопровождает, наверно не доверяет.

- А может он сопровождает не нас, а юную хозяйку.

В это мгновение перед ребятами открылся довольно большой пруд в форме правильного круга водной поверхности с небольшим тоже круглым островком посередине. По берегу пруда (берег имел форму плоского диска), росли яблони среди одичавшей малины. На островке – в центре водоема среди кустов росла чета молодых берез, а вокруг ковром зеленела некошенная трава вперемешку с луговыми цветами. По берегу острова и у кромки воды по краям пруда красовались длинные перья рогоза. Березы, кусты и стебли рогоза картинно отражались в тихой утренней воде.

По левую руку от пруда среди деревьев проглядывался довольно вместительный тесовый домик, с лавочкой возле крыльца. От крыльца домика вниз в сторону пруда уходили ступеньки, сделанные из деревянных плах, с перилами по одну сторону в виде жерди, приколоченной поверх двух столбиков врытых в землю. Такая же лесенка с правой стороны пруда, но она уходила с берега прямо в воду от другого бревенчатого строения, в котором не трудно было угадать баню.

Неожиданный парковый пейзаж, видимо, произвел на молодых людей сильное впечатление, потому что юная блондинка, склонив голову на бок, гордо смотрела снизу вверх на ребят, по плутовски прищулив темные глаза. Когда они оказались возле садового домика, Юлька юркнула в дверь, и через минуту с охапкой постельного белья поспешила в сторону жилого дома, напоследок крикнув:

- Я счас! - Посидите пока!

- Юля, стой! – остановил её Федор. – У нас же свое чистое белье лежит в машине! Скажи об этом маме!

- Аха! – И девочка скрылась за деревьями.

Прятели устало опустили на лавочку возле перил. Трезор тоже присел возле лавочки и стал внимательно смотреть в сторону острова. Не успели они переброситься парой фраз, как Юля появилась уже со стопкой чистого белья. Федор зашел следом за ней в помещение:

- Свое белье будешь застилать?

- Мама сказала, что постороннего белья нам не надо.

- Тебе помочь?

- Я сама, - уверенно сказала она.

Девочка, застилая кровати, повернулась к Федору лицом, и он рассмотрел её тонкие, еще детские черты лица, имеющие нежный ровный загар, какой бывает только в детском возрасте. Её угольные глаза были особенно выразительны на фоне светлых волос и смугловатой кожи. Она проворно и умело привела в порядок обе кровати, будто занималась этим каждый день. Закончив, жестом пригласила Федора в соседнюю комнатку, служившей кухней:

- Вот на столе электроплитка и чайник, в столе – посуда, вон за шторкой умывальник и мыло, рядом чистое полотенце. Отдыхайте, вы же совсем не спавши.

После этих слов Юлька как впорхнула, так же легко и «улетучилась». В комнату вошел Владимир со своим и Федора рюкзаком. Молодые люди, оглядевшись, бросили свои «сидора» на пол, как по команде, стащили с себя верхнюю одежду и через минуту – другую, прямо поверх одеяла, забылись в крепком сне.

Первая разминка

Казалось, ребята только уснули, а Никанорыч уже тряс Федора за плечо:

- Добрые молодцы! А, добрые молодцы! - Пора вставать, уже двенадцать часов!

Федор, с трудом осознавая ситуацию, приходил в себя, быстро принял вертикальное положение. Володя тоже проснулся, встал с кровати, затем сел, попытался надеть сапог, и тут же в одном сапоге повалился на бок, и заснул мертвецким сном.

- Умаялся паря, - только и сказал Андрей Никанорович. – Да, пусть поспит, а мы сейчас сходим в столовую, все ли готово к обеду, встретимся в конторе с бригадирами, - всех ли завтра могут обеспечить инвентарем. Одну бригаду - лучше женщин, надо с утра поставить на сушилку. Сколько человек у вас умеющих косить? Не тять, а именно косить?

- Двадцать два человека! Наверное, маловато?

- Лишь бы нормально работали, сразу научить косить все равно невозможно.

- Эти люди, видимо, будут только косить, на остальные работы привлекать их будем в исключительных случаях.

- И то ладно, – согласился Никанорыч.

Остаток дня, как уже говорилось, все должны делать работу, которой вряд ли раньше кто занимался: ломать ветки берез. Словом, после обеда этого дня начались трудовые будни заводчан. Заместитель управляющего с бригадиром принесли в столовую пилу с двумя ручками, пять топоров, три ножовки и трои вил. Людей предупредили: после обеда через 30-ть минут

всем собраться возле столовой. На сборе заместитель управляющего объявил:

- Сейчас все идем в колхозный лес, и будем спиливать березы, которые друг другу мешают. Молодые березы обламывать не полностью, верхушки оставлять обязательно, у больших берез сучья опиливать на половину высоты, чтоб они продолжали расти. Занимаемся этой работой только сегодня. С завтрашнего дня вы все будете разведены по бригадам, и каждая группа заниматься своим делом. Разрядка людей будет делаться каждое утро после завтрака здесь - возле столовой. А сегодня всем коллективом ломаем веники для овец. Кто держал пилу и топор в руках, умеет орудовать вилами - двенадцать человек, подойдите ко мне?

Желающие нашлись сразу же, и Никанорыч вручил молодым людям орудия труда. Один топор оставил себе, двуручную пилу взяли Федор с Владимиром, а заместитель управляющего продолжил наставления:

- Рубить и ломать ветки не более метровой длины, меньше можно, длиннее - не желательно. А теперь идем до лесочка, тут не более километра - можно пройти пешком.

Жители села с удивлением взирали на веселую толпу молодых людей, впереди которой шествовал с топором в руках, узнаваемый всеми, «Никанорыч». Минувя околицу, вышли на дорогу уходящей к лесу через поле, заместитель управляющего, сделав широкий жест свободной рукой, громко сказал:

- На поле, по которому мы идем, случилась лет пятнадцать назад невероятная история. На склоне летнего дня тетя Марья послала свою дочку Катю в государственный лес, он рядом с совхозным, покосить сена для коровы. На колхозных угодьях - косить нельзя. Да и везде и ничего для личного хозяйства в те годы было нельзя. Так вот, выкосила Катя одну полянку, принялась за другую, вдруг за лесом послышались раскаты грома, от туч быстро стало темнеть. Гремело все ближе и ближе, начало накрапывать. Девчужке стало жутковато, ей было всего-то восемнадцать лет, и она поспешила домой, косу на плече несла. Думала - успеет, всего-то поле перейти. Вдруг - осветило, громыхнуло и все померкло - она потеряла сознание.

Но, материнское сердце почуяло неладное. Несмотря на дождь и грозу, мать побежала в сторону леса - навстречу дочери. Смотрит, лежит Катя лицом вниз, от кося остались одни щепки, лезвие косы обожжено. Тетя Маша все поняла, обняла дочку, запричитала, заголосила на всю округу, а Катя-та и очнулась. Тетя Маша опять заголосила, теперь уже от радости. Мать сообразила - не повела дочку сразу домой, а сказала ей: «Доча, полежи на земле, так надо». Да еще влажной земличкой её обложила. Там временем на голос матери прибежало несколько человек, в том числе Катин парень, на улице-то еще было светло. У девушки оказались обожженным кофточка и левое плечо, на котором она держала косу. Гроза пронеслась, дождик

перестал и через какое-то время Сашко – так звали парня, принес её на руках домой. Отлежалась она пару дней, все обошлось без всяких последствий. А теперь Катя - мама троих детей.

- Какое же заключение дали врачи? - Поинтересовался кто-то.

- В данном случае не понятно кто должен давать заключение, а на селе все жители в какой-то степени врачи. Приезжал из Москвы из Института физики профессор, сказал, что девушку спасло косье – по нему разряд молнии ушел в землю.

- Слава Богу, она осталась жива, но шансов-то не было, как Вы думаете, почему? – Заинтересовался Владимир.

- Общее мнение и мое – тоже: с профессором стоит согласиться. Разряд (видимо, по соседству и на секунду вперед), ослепил девушку, инстинктивно она присела, косье уткнулось о землю. Это по её рассказу, ведь до потери сознания Катя все помнила. А электрический разряд, как известно, идет по наименьшему сопротивлению. Металлическая коса проводник, а деревянное косье мокрое от дождя, стало тоже проводником, и разряд ушел в землю, к счастью, не через девушку. Тем более, что от земли она была изолирована обувью. Потому и косье разбило в дребезги. Точное заключение, по моему, никто не может сделать.

- Может это была шаровая молния? – Не унимался Владимир.

- У кого бы об этом спросить? – слышалась реплика из толпы.

Все дружно засмеялись.

- А вот еще случай, и печальный, и юморной. Двоих наших односельчан в 1944 году Советская армия освободили из плена. Каким-то образом они узнали, что почти каждого бывшего пленного отдают под суд, и отправляют в лагерь.

- А что, действительно судили и давали сроки бывшим пленным? – поинтересовался кто-то из женщин.

- Действительно некоторым давали, и сроки давали не малые, особенно бывшим офицерам, - подтвердил Андрей Никанорович.

Так вот, о беглецах: осудят – не осудят, а домой-то хочется. Незаметно пробирались через такую даль домой, к женам, к детям! Встретились, рассказали своим благоверным всю правду. Одна из них – учительница и говорит мужу: «Вас ведь могут расстрелять, или в Сибирь на долгие годы в зону отправят, вы пленные, да еще, получается, дезертиры». Собрались они вчетвером: двое пленных и две жены и стали решать, что делать дальше: идти в военкомат с повинной или продолжать скрываться. И решили: расстрелять их всегда успеют, сослать в Сибирь – тоже. Надо жить тайком, чтоб помимо них, не знала ни одна душа, включая детей и родных. Оборудовали убежище под сеновалом, каждый в своем доме. Что-то делали тайно по хозяйству, но из дому не показывались ни днем, ни ночью. Прошло около года. И тут начались чудеса. Мужья, вроде, на фронте, а их жены - обе забеременели. Сельчане дивятся, - ни с кем, вроде, они не якшались, и «на -

тебе!» Да и в кого было влюбляться: на фронт было взято более сорока человек, а вернулось живыми четверо, не считая наших беглецов и меня.

- Что, остальные погибли? - Не поверила Женя – лаборантка.

- Да, девочка, да! Молодые мужики, некоторые еще неженатые.

- Ужас-то какой! – заключила Женя.

- К этому времени надоела нашим беглецам затворническая жизнь, - продолжил свой рассказ Никанорыч, - И решили они перебраться в лес. Переоделись в женские платья, и рано утром отправились на разведку, чтоб подобрать себе вот в этом самом лесочке место для жительства. И ведь до чего додумались! В чащёбе на высоком месте склона оврага вырыли две землянки. Одну для жительства, а другую в виде часовенки с православным крестом на коньке, а внутри повесили несколько икон. Часть супруги пошили, часть достали им женские монашеские одежды для леса. Женские гражданские платья они надевали каждый раз, если приходилось идти домой. Дали себе имена: Марфа и Манефа. Свое поселение назвали скитом. В случае, если на них наткнутся люди, придумали себе легенды, что они беженцы, потерявшие в военные годы свои семьи, потому решили удалиться от людей и посвятить остаток жизни Господу Богу.

Кончилась война. Однажды жен беглецов вызывают в военкомат, те явились и от страха не живы – не мертвы. Военком им сочувственно, сообщил:

- С прискорбием сообщая вам, что ваши мужья были освобождены из плена более года назад, потом куда-то пропали. Может с дороги вам они что-то написали?

- Ничего не писали ни в войну, ни сейчас! - Отвечают перепуганные женщины.

- Ну, что же не будем терять надежды, - сказал на прощание военком.

Война кончилась, а семьи, не получившие похоронок, все еще находились в неопределенном положении. И так все бедствовали, а жены, чьи мужья пропали на войне, бедствовали еще больше. Им, независимо от количества детей, не платили пособие. Подозревали, что их мужья находятся в плену. После войны, всех мужчин пропавших на войне, официально объявили «без вести пропавшими», и тоже стали платить пособие, включая наших затворников.

Скит продолжал существовать, как ни странно, на него не обращали власти никакого внимания, включая КГБ. Видимо, посчитали этих женщин, что жили лесу, помешавшими от горя по причине потери своих семей. В скит потянулись, в основном жены, потерявшие мужей, и прежде всего жены наших «монахинь». К этому времени обе жены беглецов благополучно родили. Сельчане дивились, ведь никто и никогда их с мужиками не видел, они вели слишком праведный образ жизни. Кто-то пустил слух – забеременели от «святаго духа».

Шли трудные послевоенные годы, страна залечивала свои раны. Наступил 1953 год, умер «вождь всех времен и народов Сталин». Через какое-то время начались послабления в обществе. Дети наших «подпольщиков» подрастали, надо было что-то предпринимать. И вот собрались однажды в скиту бывшие пленные и их жены на совет. Решили: такое житье дальше быть не может, надо идти в военкомат.

В военкомате поразились рассказанной истории, но не поверили и сообщили «кому следует». Работники КГБ проверили версию: факты подтвердились. То ли на волне общественных преобразований после смерти вождя, то ли в КГБ области люди оказались порядочными, но наших беглецов простили. Посчитали, что они прямого ущерба государству не принесли, а сами себя наказали достаточно. Вот такая история.

Под впечатлением рассказов Никанорыча «трудовое войско» как-то незаметно подошли к лесу, и он перешел к делу:

- Жалко губить такие красавицы ради веников, это же живая природа. Федор, Владимир, - вы с пилой, подойдите ко мне! Спилите, вот эту березу, отживающую свой век. Из трех стоящих – кривую справа. Поваленные ветром, но еще живые три березы надо тоже разделать, а потом посмотрим. Как только у спиленных и поваленных деревьев ребята топорами сучья обрубят, распилят стволы на трехметровые чурки. Мы их на тракторе увезем немощным хозяйкам-старушкам на дрова. Есть вопросы? – Нет.

- Нижние ветки у больших берез можно обрубать, не взирая, вместе они стоят или порознь? – осведомился Володя Адашев.

- Не взирая ни на что: стройная или кривая, вместе стоит или отдельно. Так что, труд, как говорится, на пользу! Ветки выносить на опушку и складывать в кучи. Скоро приедет трактор, чтоб он мог подъехать к каждой копне.

Мужскому и женскому персоналу работа явно нравилась. Постепенно каждый нашел применение своему труду: кому-то нравилось карабкаться на дерево, кто-то предпочитал обламывать ветки на земле. Понукать никого не надо было, и застрельщиком для всех стал сам Никанорыч. Топор, как говорят в деревне, «пел в его руках». Он работал споро, сноровисто и без отдыха. Примерно, через час приехал трактор с прицепом. Вилами и вручную нагрузили тележку. Попытались нагрузить пахучие ветки, как навивают сухое сено – гораздо выше бортов, но высоко воза не получалось. Трактор отправили, чтобы он вернулся вновь. Андрей Никанорович напутствовал трактористу:

- Свали около Абрамова сарая и не в одном месте, а сделай кучек шесть, чтоб зелень не сгорелась и не сопрела. Завтра утром эти кучи расстелют более равномерно.

Прошло часа три, трактор подъезжал и увозил зелень несколько раз. Темп у ребят поубавился и дальновидный Никанорыч скомандовал:

- Все ребята, шабаш! Иначе вы на завтра обезручите с непривычки, кто от мозолей, кто от боли в мышцах. Поработали вы хорошо, для начала хватит, спасибо!

Сенокос в разгаре

В пять часов утра следующего дня и так каждое утро Никанорыч заходил в садовый домик и будил ребят. И каждый раз его сопровождал Трезор. В пять тридцать они шли в столовую на завтрак. Тут же возле столовой Андрей Никанорович сообщал (по местному – наряжал), – кто и где сегодня будут работать. Например, косцы садились на машину и вместе с Федором уезжали в луга и косили, пока не высохнет роса, т.е. почти до обеда. Пообедав, косари отдыхали, а у старших Федора и Владимира других забот было невпроворот, потому они, включая Владимира, возглавляющего сушильное отделение, на ночлег возвращались под вечер и буквально «валились с ног». В таком сумасшедшем темпе работали только старшие. Заготовка сена начиналась с косарей и Федору, как человеку, тоже умеющему «держать косу», пришлось возглавить эту бригаду. Группа людей, для этой нелегкой и требующей умения работы, была подобрана еще на заводе в количестве 19 человек. Трое здоровых ребят пожелали научиться этому ремеслу, итого 22 человека. Забегая вперед, надо сказать: путных косарей из этих троих ребят так и не получилось, хотя они и старались. Уметь косить – искусство, овладеть которым можно постепенно. Уверенно косить могли только бывшие деревенские парни. Некоторые из них косили просто великолепно, их работой невольно залюбуешься. Особенно хорошо владел косой Сергей Березин: работал легко, взмах широкий, ни одного лишнего движения, прокос чистый, словом, работал красиво и продуктивно.

Косари, как уже говорилось, работали утром до 10–11, иногда до 12 часов, в зависимости от погоды, надо было «поймать росу», т.е. пока трава с ночи не высыхала. Траву, высохшую от росы, как известно, подрезать значительно тяжелей. За эти четыре-пять часов косари выматывались основательно. Их если и задействовали, то только под вечер на других авральных работах, например, по вывозке и скирдованию сена. Ибо парни, умеющие косить, умели сложить сено на телегу в виде воза (навить воз), и на автомашину – тоже.

Обычно же они занимались своим прямым делом: отбивали лезвие косы, пересаживали сломанное косье, словом, готовили рабочий инструмент на следующее утро. Косы ломали часто: ребята подобрались сильные, да молодые, а работали на «неудобицах» – местах, где трава не косилась уже по несколько лет, за это время образовались кочки, к тому же – мешала прошлогодняя стерня (не скошенная в прошлые годы трава), помимо этого, луга стали зарастать кустарником и молодыми деревьями.

Сенокос – особая пора на селе, время рассчитано по часам и минутам. Сено сухое или не очень, подмоченное дождем, не может быть хорошего качества. Потому в русских селах испокон веков в заготовке сена задействованы все возраста, включая старых и малых. В казенных организациях – колхозах и совхозах такого прилежания в горячую пору сенокоса уже не наблюдалось, вот и посылали на помощь городских жителей – заводских рабочих. На предприятиях – по месту работы, оторванные от производства люди, получали среднюю зарплату, а в колхозах и совхозах они трудились за мизерные деньги, по сути – за кусок хлеба.

На полях, посеянные клевера, и прочую кормовую растительность, или в лугах с ровной поверхностью, траву косили машинами, а в лесах, низинах, оврагах этими работами занимались вручную приезжие с предприятий. В частности, сено, скошенное в лесу среди деревьев в тени сохло плохо, было не под руками – далеко от села, и волей неволей попадало под дождь. Потому решено было вывозить его на открытое место на заводских машинах, поближе к селу, чтоб удобнее было сушить. Такая заготовка обходилась дорого, сырую траву вывозить невыгодно, она в разы тяжелей сухой травы.

Старожилы – местные жители подсказали горожанам старинный способ скирдования недосушенного сена. Предварительно делается каркас из жердей для будущей скирды (вернее стога) следующим способом: длинная жердь ставится вертикально, а к ней сбоку под углом приколачиваются менее длинные несколько других жердей. Влажную траву укладывают снаружи каркаса, в итоге внутри стога остается пустота. В основании стога к «пустоте» делается одно-два отверстия для вентиляции. В результате, влажное сено стоговать в лесу люди успевали до дождя. Опережая время, надо сказать, что стога с каркасами из недосушенного сена прекрасно сохранились, в чем при заготовке сена тогда сомневались не только руководство совхоза и горожане, но и некоторые местные жители.

Проработав в совхозе с десятков дней, Федор понял, ему, как старшему, косить наравне со всеми и решать управленческие дела не эффективно: страдают непосредственные обязанности, об этом ему стали говорить даже ребята из его бригады, да и ни время, ни здоровья не хватало на такой объем работ. Группа косцов приходит с работы отдыхает, а ему надо решать текущие вопросы. Тоже - самое сказал ему и Владимир, работающий в таком же режиме:

- Федорыч, еще несколько дней, и я попросту свалюсь от усталости, давай менять наш режим работы.

Кстати, более опытный и умница Андрей Никанорович не одобрил намерение ребят еще в самом начале их затеи. И вот настал день, когда приятели: Федор вместо покоса, Владимир вместо сушилки с утра пошли заниматься своими прямыми обязанностями, и по окончании рабочего дня – часом в шесть вечера, т.е. гораздо раньше обычного, явились в свой садовый

домик и прилегли отдохнуть. Федор уже задремал, вдруг сквозь сон слышит голос приятеля:

- Федорыч! А, Федорыч! Посмотри-ка в окно – такой картинке больше не увидишь никогда!

Федор глянул – и обомлел: от бани по ступенькам к пруду неспешно спускалась распаренная обнаженная женщина. Длинные темные волосы прядями спускались на плечи и пышные груди. Она напоминала красавиц с эротических французских картин ХУШ - Х1Х веков. Бедра, ноги, руки, её стан имели прекрасные пропорции. Полнотой своей до названных картин она не дотягивала, но как говорят в обиходе - была «в теле». Раскрасневшаяся, освещенная низким солнцем, она выглядела сказочной царевной. Незнакомка зашла по грудь в воду и поплыла, широко загребая руками в стороны и назад. Она сделала небольшой круг по пруду, вышла опять к лесенке, и так же неторопливо, поднялась к бане, открыла дверь и скрылась в клубах пара. Приятели какое-то время молчали. Федор обронил:

- Смотришь на такую роскошную красавицу, и ни каких грешных сексуальных чувств, – как на Богиню! Красота – великая сила! А откуда эта красавица здесь взялась?

- Вроде как хозяйка, я видел в сумерках её мельком.

- Мы прожили с тобой больше недели и не знаем нашу хозяйку, и какую: прямо-таки не здешней внешности!

- Некогда было, почти темно вставали и за полночь приходили.

- Вот она и пошла к пруду, в чем мама родила: подумала, что мы с тобой еще на работе, - заключил Федор и прилег опять на кровать.

- Еще две! – Изумленным шепотом произнес Владимир.

Приятели, как по команде, сунулись к окну. По лестнице вприпрыжку спускалась прямая, похожая на дюймовочку, обнаженная Юлька, с мокрыми свисающими соломенными волосами, а за ней расторопно сбегала брюнетка, с копной волос, уложенных на затылке. Смуглянка была копией хозяйки, только в уменьшенных пропорциях. Это была настоящая фотомоделка, и не тех обнаженных сухоруких, сухоногих и поджарых, даже тощих, натур евростандарта, которых Федор называл в шутку «курицами-спортсменками». Нет! Здесь присутствовала крепкая народная русская красота, обитающая среди природы. Развитые прямые ноги, с продолговатыми голеньями, упругими высокими бедрами и тазом. Развитые женственные плечи, красивые полусферы высоких грудей с темными точками, и этот манящий тонкий перехват поясницы. На загорелом бронзовом теле две параллельных белых-белых полосы, опоясывающих грудь и бедра, - следы от купальника при загаре. В лучах низкого солнца две ослепительно молодые и стройные фигурки, в динамике движения – бега к воде, на фоне изумрудной зелени, смотрелись великолепно.

Юлька с разбегу влетела в пруд и поплыла, за ней, разрезая водную гладь, кинулась в воду темноволосая девушка. Они в воде покрутились на

одном месте и, как ошпаренные, наперегонки побежали по лестнице вверх, к двери бани. Навстречу бегущим купальщицам открылась дверь бани, и они скрылись в клубящем темном проеме. Необычная водная процедура кончилась так быстро, что приятели по инерции еще продолжали смотреть на лестницу, ведущую в заветную дверь. Затем оба глубоко вздохнули и рассмеялись.

- Да-а!... Действительно такого больше не увидишь, - реагирует удивленный Федор. Эх, фотоаппарат бы сейчас: какие кадры для выставки!

- Это Линка, наверное, - старшая сестра Юльки, - прокомментировал Владимир. – Потому что Юлька вчера несколько раз называла это имя.

- Да, не хорошо подглядывать, но уж так получилось. Ладно, давай соснем часок, пусть нам приснятся феи, - предлагает Федор приятелю и они продолжили прерванное занятие, думая каждый о своем.

Эротические картинки взволновали молодых людей, но усталость взяла своё: они быстро заснули. Сколько длился их сон, прерванный Никанорычем, они не ведали, вроде только заснули. Он, будивший их каждое утро, громко сказал:

- Подъем! На баке кильку делят!

- Уже утро? – Спрашивает спросонья Федор, так как солнце было совсем низко, а с какой стороны, он еще не понял.

- Да нет же, сегодня суббота - банный день, и одновременно у нашей Юлы день рождения. По причине чего: просыпайтесь, по тревоге одевайтесь, на берегу пруда построиться и колонной по два в баню шагом марш! После бани мелкими перебежками ко мне домой – на Юлькин день рождения, там мои женщины готовят праздничный ужин!

- Никанорыч, баня – блаженство, но у нас нет чистого белья, мы же планировали съездить помыться домой, - взмолился Федор.

- Отставить разговорчики! Чистое белье, полотенца, свежие веники давно ждут вас в бане. Вопросы есть?! - У матросов нет вопросов!

Приятели с трудом приняли вертикальное положение. И только тут Федор заметил чуть позади хозяина мальчика лет пяти. Темные волосы, темные глазки, и такое же хорошее личико, как у Юльки. Владимир, видимо, заметил его первым и спросил:

- А это чей мальчик, мы его еще не видели?

- А вы еще никого не видели, кроме меня, да Юльки. Уходите на работу – еще все спят, приходите - уже все спят. Супруга моя как-то пошутила: «У нас поселились какие-то лунатики, живут уже несколько дней, а мы никого ни разу не видели».

Приятели незаметно переглянулись: «мы-то видели?!»

Андрей Никанорович продолжал:

- Представляю вам Никанора Андреевича - моего наследника, зовем мы его просто Ника.

Мальчик (как и Юлька, неделю назад), подошел и молча подал руку Федору, тот ответил наследнику:

- А я дядя Федя! – При этих словах он взял мальчика на руки, подошел к приятелю и представил: - А это дядя Володя! Он у нас шибко умный, инженер, кораблики рисует, а потом делает. Ты, когда вырастешь, тоже будешь инженером, да!

Ника и Владимиру подал руку и, обращаясь к нему, спросил:

- Ты кораблики делаешь?

- Делает, - ответил за него Федор, - Он вначале нарисует его, а потом вместе с другими делает.

- Я тоже буду рисовать и делать, - серьезно ответил малыш.

- Андрей Никанорович! Вы хоть бы заранее предупредили, мы бы девочке подарок купили, ведь еще ребенок, в такой день надо порадовать именинницу, - с упреком обратился Владимир к отцу виновницы торжества. – Кстати, сколько ей лет-то будет?

- Солидный возраст – двенадцать лет! А подарок, если вам так хочется, потом купите.

- Вот видите, все-таки дата, а яичко-то дорого в Христов день, - поддержал приятеля Федор. - Впрочем, подарю ей часы, видите, они с рисунком, небольшие по размеру, за детские сойдут.

- Соплячка - с часами-то ходить, она уж давно их у меня клянчит, но мне не хотелось её баловать.

- Ну, тогда пошли в баню, - облегченно вздохнул Федор.

- А мне как быть? - Озаботился Владимир.

- Есть выход - на следующий выходной мы же едем в Сергиеву Лавру, Юлю тоже возьмем с собой и подберем с учетом желания именинницы, - успокаивает Федор приятеля.

- Да что вы мужики антимонию развели на пустом месте, ваше присутствие для нее уже награда, она сама пожелала вас пригласить. Значит так, я сейчас Ника помою, через полчаса вы подходите, и мы втроем уж как следует, попаримся.

Чудо-баня

Русская баня, сколько же хороших слов о ней сказано, потому что она у каждого человека вызывает свои, и только хорошие эмоции. У Федора даже настроение поднялось в предвкушении целебного тепла.

- Мировой мужик Никанорыч, одним словом - фронтовик, среди них я плохих людей еще не встречал, - заключил Федор.

- А ты, я гляжу, большой любитель попариться, - отзывается Владимир.

- А ты?

- Я не против бани - при случае, но чтоб постоянно ходить...

- Володя! С сегодняшнего дня меняй диспозицию. Даже само слово «баня» по латыни означает «прогнать боль, хворь, грусть». Сообразил? Уже изначально банная процедура предполагает оздоровительные свойства. А ты знаешь -какие у мужика две самые большие радости на букву «б».

- Баня, что ли? Так она для меня не велика радость.

- Потому что ты еще не раскусил этого действа. Ну а вторая мужская радость?

- Откуда мне знать, может для меня она тоже не радость. Неужели б...ди!

- Эх, куда тебя на сенокосе потянуло!

- Ну, тогда «Бренди что ли?!»

- «Бренди!» Когда для человека самая большая радость - Бренди, - это уже ничего хорошего. Говоришь, может для тебя это не радость? Сомневаюсь, что любовь к жене для тебя - не радость. Так знай две большие радости: «русская баня и русская баба». А народная мудрость не бывает ложной. Что касается бани: умные люди столько хороших слов сказали о ней: целые тома понаписали! Даже многие поэты посвятили ей свои вирши, например, Александр Твардовский в своей знаменитой поэме «Василий Теркин»:

В жизни мирной или бранной,
У любого рубежа,
Благодарны ласке банной
Наши - тело и душа.

А Петрусь Бровка в стихотворении «Баня»:

От села и до села
Ей возводится хвала.
Смыть усталость, пыль и пот
В баню тянется народ.

У Андрея Вознесенского есть такие строки в его «Сибирских банях»:

Бани! Бани! Двери – хлоп!
Бабы прыгают в сугроб...

Представляешь из парной в сугроб, какой закал, какая тренировка сосудов, а какая радость и великолепное самочувствие!

- От чего радость-то, голышом - в сугроб, - искренне удивляется Владимир.

- А разгоряченным прыгать в сугроб не холодно, даже приятно, потому что ты отдаешь лишнее тепло! Или сидишь ты за праздничным столом, выпил одну рюмку - вторую хорошего вина, у тебя поднимается настроение, тебе приятно, радостно, хочется петь, танцевать. Так же и в бане, только еще более сильные ощущения.

- Не слышал, чтоб после парной в пляс пошли!

- Ну, не совсем так, слова мои для образного сравнения. После бани радость тихая, светлая, и легкость во всем теле, как будто заново родился. И

в старину люди шли в баню не только за чистотой, но и с простудой, с болью – физической и душевной, или просто поднять настроение, пообщаться. Делали стоградусную жару, а чтобы легче перенести сильный пар, веник мочили в ведре с квасом и смачивали им тело, итак по 2-4 раза за один заход. В наше время помимо кваса используют мед или пиво. Начинается сильное потоотделение: вместе с потом из организма выводятся ненужные человеку вещества – шлаки и яды, попавшие с пищей.

- Тебя слушаешь, так пошел в баню больным, а вышел здоровым.

- Во-первых, ходить в баню больным не рекомендуется, а во-вторых, в баню ходить надо более-менее регулярно, во всем должна быть система.

- Значит, кто ходит не каждую неделю, то без толку.

- Тоже полезно. Вот я, например, заразился гриппом, но три дня об этом не знаю, существует так называемый «скрытый период». Когда же узнал, в смысле – заболел, идти поздно. Когда регулярно ходишь, как бы пресекаешь недуг заранее, пусть не каждый раз, но частенько. Да, и простужаешься реже, а если все-таки залядел, – недомогание проходит быстрее.

- Уж больно у тебя все просто!

- Да, непросто! У меня не укладывается в голове, почему люди не хотят париться. Ведь в баню ходит около 5% населения. С организмом происходит целый комплекс оздоровительных процессов. Начнем с нашей естественной рубашки – кожи. Она молодеет, болезнетворные микробы на ней гибнут, жирная и сухая кожи становятся постепенно нормальными. Сердечно-сосудистая система тоже испытывает благотворное влияние: улучшается кровообращение, уменьшаются бляшки внутри сосудов, улучшается состав крови, от смены температуры (раздевалка-парная-холодная душ, да и без душа), сосуды становятся более эластичными. Баня восстанавливает функции суставов, позвоночника, препятствует развитию артроза, артрита, угнетает развитие раковых клеток. Более того: обновляются органы дыхания, нормализуется давление, баня нормализует стрессы и частично снимает гиподинамию. Я не понимаю, почему тупое и инертное мнение толпы довлеет над людьми и над тобой, Володя, - тоже. Неужели не возмутится твой разум, ты же умный мужик! Убедил ли я тебя, хоть немножко?

- Универсальных лекарств нет! А у тебя получается, что баня от всех болезней сразу. Но на сегодня - убедил, но без практики теория мертва, - пора в баню, а то Никанорыч, поди, сына помыл и нас ждет.

По пути в парную приятели сломали несколько еловых лап, нарвали пучок крапивы, несколько листьев лопуха - что попадалось на глаза. Зашли в прихожую - детского белья не было, значит, мальчика помыли и забрали домой. Быстренько разделись и шумно вваливаются в парную, а хозяин уже греется на самой верхней полке.

- О, вы с зеленью догадались придти! - Весело встретил он ребят. – Разложите ветки на соседнюю верхнюю полку!

Федор разостлал принесенную растительность и часть передал хозяину, который увидев, робко присевшего внизу Владимира, сочувственно произнес:

- Новичок в банном деле! Ну, давай обживайся! А, крапивка – хорошо, - с травками полезней и легче дышится. Веники ваши я замочил, хотя они совсем свежие, сегодня утром именинница заготовила.

- Федорыч, ты уж один полезай наверх, а мне и внизу хорошо, - предложил Владимир.

- Ай - да Юля! И баню любит, и веники умеет ломать, какая деловая растет, - в слух удивляется Федор. - Чтобы дети развивались гармонично, учились деловитости, у каждой семьи, включая горожан, должна быть своя фазенда, с садом, огородом и, конечно, с баней.

- Дачные участки, как ты говоришь фазенды, есть во многих семьях, да молодежь не очень туда стремится, - возразил Володя.

- Еонечно, на четырех сотках трудно развернуться, построить дом с удобствами, - слезая с полки, отозвался Никанорыч. – Погрелся, пока хватит, можно и веником помахать. Это вам молодым все нипочем, а я же контуженый.

- Спинку похлестать? – Спрашивает Федор.

- Немного поздней, пока я сам.

В самый разгар банного действия постучала именинница и в закрытую дверь сообщила:

- У нас все готово, нельзя ли побыстрее! - И сразу же убежала.

- Ну что мужики, галопом гнать не будем, но с шага в аллюр надо переходить.

- Надо уважить девчущку, - охотно согласился Владимир.

Юлькин день рождения

Минут через сорок мужчины банное заведение покинули. Квартиранты на минутку зашли к себе, чтоб принять мало-мальски торжественный вид и направились в хозяйский дом, в который еще ни разу не заходили. У крыльца их встретил Трезор, почему-то обнюхал и завилял хвостом. Через просторные сени они оказались в прихожей, Юля выпорхнула им на встречу (ну что за Юлька), и предупредила:

- Можно и не разуваться! Тапок всем не хватит. Проходите прямо в зал.

- Нет, Юличка, у тебя сегодня святой день, а в носках даже приятней будет, вон какая теплынь, - отозвался Владимир.

- Ну, как хотите, - и девочка раскрыла перед ними дверь.

Залом оказалась очень просторная светлая комната в пять окон – четыре спереди и одно сбоку. Стены и потолок светились естественной чистотой ничем не покрытого дерева. Пол, покрашенный светлокорицневой краской и сверху - лаком, отражал теплые блики мебели. Кое-где по стенам

воткнуты свежие ветки березы и много фотографий, в том числе старинных, в рамках разных размеров. Рядом с праздничным столом огромный букет полевых цветов, всех видов и оттенков.

Ох, ты! – Оглядевшись, невольно воскликнул Федор, и в этот момент заметил внимательный, изучающий взгляд хозяйки. - Здравствуйте - всем, кого видели и не видели! - Мы, - это Владимир – мой коллега, и я – Федор, - за обоих поприветствовал присутствующих Федор Федорович.

Андрей Никанорович в ответ:

- А это моя семья: супруга Павлина Карловна, моя теща Арина Дмитриевна, наша старшая дочь Лина или Елизавета, и уже знакомая вам именинница. А это три Юлины подружки: Даша, Вера, Таня. Быстренько рассаживаемся, а то припозднились, и за столом познакомимся, как говорится, поближе. Так что дорогие наши постояльцы не стесняйтесь, вашего обязательного присутствия пожелала сама виновница сегодняшнего торжества.

А «постояльцы», наконец-то, близко увидели семью в сборе. Все сидели чистые, свежие, чинные, красивые, еще не совсем отошедшие от бани. В красном углу сидела еще не очень старая Юлина бабушка, не потерявшая своей былой красоты. Взгляд Федора мельком скользнул с одного женского лица к другому. В одной семье столько не просто красивых, а изумительно красивых людей (во всяком случае, в его понимании), он встречает первый раз в жизни.

Хозяйка по современным стандартам была чуть полновата, но эта полнота не нарушала пропорций ни лица, ни тела, и придавала облику состояние величавой значительности. Она обладала классической красотой, - идеалом красоты XIX века (как уже говорилось), и напоминала барыню или цивилизованную купчиху. Красивый, чуть продолговатый, овал лица предполагал о хороших пропорциях всего тела. Гордые линии прямого носика плавно переходили в разлеты длинных бровей. Большие округлые, глубоко посаженные темные глаза, смотрели на мир внимательно и спокойно. Чуть полноватые, чувственные губы сомкнуты, в углах которых «заплуталась» еле заметная улыбка. Серьезный, чуть печальный пристальный взгляд, и подобие полоулыбки, придавало облику Павлины Карловны некую тайну, будто она знает в жизни то, чего неведомо другим. Рисунок изящного носика, красиво изогнутые линии губ гармонировали с тонкими густыми крылышками почти соболиных бровей. Твердому подбородку, оттеняющему благородный овал лица, противоречили еле заметные ямочки на щеках, и вместе с тем придавали выражению лица особую прелесть и открытость. Высокий, немного выпуклый лоб венчали темные прямые волосы, уложенные на затылке в тяжелый узел. Движения ее были точны и не торопливы, голос ровный и спокойный. Казалось, она совершенно не способна «дергаться», как теперь говорят. Видимо, она повелевает в доме всеми, сама не желая этого. Подобные женщины относятся к надежному

типу людей, подле которых чувствуешь себя спокойно, уверенно и с удовольствием. А умеренный крестьянский труд в сочетании с духовностью, увы, еще никого не портил.

Старшая дочь Елизавета, для сельчан - просто Лина, очень похожа на мать своими чертами лица, фигурой, волосами, овалом лица. Несмотря на загар, она была ослепительно юная, и более подвижна по сравнению с мамой. Особенно удивительны выражения глаз, они у нее постоянно меняются, как бы молча участвуя в разговоре. Когда Лину представлял отец, глаза её при кивке головы, полуморгнули, - соглашаясь, а когда отец стал говорить о Юле и подружках – они стали чуть бедовыми. А перед тем, когда горожане вошли и растерялись немного, те же глаза одобрителем гостей поддержали. Она, как бы молча, с людьми разговаривала.

Уже знакомая нам именинница, похожая на свою сестру, имела чуть удлинённый очень красивый профиль и овал лица. Она была еще подросток, и женское начало только начинало проявляться в юной особе. В движениях Юля по-детски более раскованная и прямодушная. Такие и в школе учатся легко и уверенно, и в институт поступают с первого раза и все им в мире доступней и дается проще. Подружки у Юли все разные внешностью и повадками, но чем-то все они вместе с именинницей были похожи. Лица в деревне более индивидуальны и открыты, не то, что в городе – этом огромном шумном «общаге».

А вот лицо Арины Дмитриевны в принципе отличалось от лиц, сидевших за столом, - оно было «городским». Но, оно было – «хорошим». Это по личной Федора градации о лицах. Первое мгновенное, буквально секундное впечатление о встреченном человеке: это лицо «хорошее» или «другое». Лицо и есть зеркало человека, а глаза – души. Лицо бабушки именинницы Федор назвал «городским», так как оно не имело той деревенской индивидуальности и открытости. Вот такие, буквально мгновенные заключения, сделал Федор.

Уже хорошо ему знакомое лицо Андрея Никаноровича было усредненным, ни «городским», ни «хорошим», оно было нормальным и черты лица были нормальными, в меру мужественные и волевые. А вот глаза: живые и умные с искринкой, даже чуть бедовые и с хитринкой. Они постоянно менялись и меняли общее выражение лица хозяина. (Так вот на кого похоже глаза у Елизаветы). Физически он был сильным человеком, но сильным в меру. А раз медвежьей силы в нем не угадывалось, человеком он смотрелся подвижным, с развитым корпусом и поджарым животом и, видимо, нравился многим женщинам.

Пока Федор впитывал первые впечатления от встречи с новыми людьми, хозяин разлил детям фруктовый сок, обмениваясь мнениями, наполнил рюмки красным вином для взрослых, на этикетке бутылки значилось: «кагор, соборное вино». Павлина Карловна раскладывала салаты по пустым тарелкам сидящих, до кого могла дотянуться, а Елизавета,

помогая матери, добавляла салат другого вида. Федору бросилось в глаза присутствие на столе много сдобного печева всевозможной формы: пирожки, «французские булочки», бублики, баранки – дань традициям крестьянского застолья. Обилие печева напомнили деревенские праздники его детства, от чего стало хорошо на душе, будто он в гостях у своей деревенской, пусть и не очень близкой, родни.

Юлина бабушка предложила сказать первый тост главе семейства, и Андрей Никанорович встал с рюмкой в руке.

- Уж не знаю, доченька, нужны ли тосты в твоём возрасте?

- Нужны, нужны, да, девочки? – Обращаясь к подружкам за поддержкой, Юля даже подскочила на месте, - и те согласно закивали.

- Сегодня у тебя особый день и пусть будет по-твоему. Вот сидят перед нами четыре сверстницы и, в силу своего возраста, еще не осознают, что сейчас у них удивительный, может быть самый интересный возраст, - степенно, с расстановкой и некоторой снисходительностью в голосе, сказал отец. – Вы, девочки - на полпути между детством и зрелостью, у вас все впереди. Попробуйте понять это, радуйтесь жизни и хорошо учитесь. Ведь без глубоких знаний в наше время ну никак нельзя. А потом: уроки в школе - постижение жизненного опыта предыдущих поколений: родителей, бабушек, дедушек и прапра-бабушек и дедушек. (Никанорыч взглянул на супругу уважительно и вроде даже робко, вроде как, советуясь с её мнением, та еле заметно кивнула). А вобщем-то, мы тобой, Юля, довольны. Ты у нас деловая и самостоятельная, даже иногда слишком. (При этих словах мать и бабушка улыбнулись, а сестра коротко рассмеялась). Живи и поступай, как считаешь нужным, но почаще советуйся с родителями и близкими тебе людьми, бери с них пример. Успехов тебе и твоим сверстницам, пусть ваша дружба крепнет и помогает вам в жизни! Ты стала на год взрослей, перешла в шестой класс, прими от нас подарок - новый и модный портфель.

Именинница высоко подняла юную красивую головку, сжала губки и светила счастьем от слов отца и подарка, чувствовалось, что он для неё большой, может самый светлый авторитет. Все подняли чарки, включая маленького сына, и начали с аппетитом закусывать. Пятилетний Никанор, чтобы ему удобнее елось и пилося, забрался к отцу на колени.

Разговор пошел об учительнице начальных классов Марии Алексеевне: оказывается она – педагог-ветеран, «заслуженный учитель», учила когда-то мать именинницы, и у нее нет ни одного отстающего ученика. В качестве поощрения её класс обещали отвести на дачу великого певца Шаляпина, что недалеко от родного села, да вот транспорт пока задействован на уборке сена, которое плохо сушится по причине частых дождей. Из разговора оказывается, силоса уже заготовили достаточно, но одним силосом скот не прокормишь.

Затем предложили сказать что-то подружкам, они долго молча жестами перепирались и, видимо, самая бойкая из них - Даша поднялась, и официально, как на уроках в классе выпалила:

- Юля – хорошая девочка, хорошая ученица, в классе её уважают. – Даша уже хотела сесть, потом добавила: - Я люблю Юлю еще и потому, что она моя лучшая подружка. Вот прими от нас подарок – трехцветную шариковую ручку.

Гости опять выпили легкое приятное вино и Федор, закусывая, собирался с мыслями, что же сказать девочке в таком возрасте, прежде чем вручить ей часы. И когда пришли главные мысли, он успокоился, и в нужный момент встал с рюмкой в руке и, обращаясь к имениннице, (она сидела от него через подружек) сказал.

- Спасибо тебе Юля за приглашение, мы с Владимиром уважаем тебя за деловитость, веселый и добрый нрав, самостоятельность, восхищаемся тобой и всей вашей замечательной семьей. Вы великолепно наладили своё хозяйство, свой быт, у вас можно многое перенять на человеческом и воспитательном уровне. Каждый человек рождается примерно с равными способностями и задача семьи и общества разбудить в каждом ребенке трудолюбие, доброту, любовь к окружающему миру, словом, привить как можно больше хороших наклонностей. Тебе, юное создание, в этом смысле очень повезло, имея замечательных родителей, которые дадут своим детям все необходимое и даже больше. А у тебя еще есть бабушка, два брата и сестра, ты буквально купаешься в любви и счастье. Глубину этого понятия ты и твои подружки, поймете позже. Так, что расти, хорошо учись, развивайся и никогда не зазнавайся. Удачи тебе и твоим подружкам в учебе! Надеюсь, мы станем с тобой и вашей семьей друзьями.

Во время поздравительных слов Федора, глава семейства смотрел спокойно, будто ожидал именно этих слов, его жена – приветливо и очень внимательно, Лина - подбадривающе, при каждой фразе чуть кивая головой, бабушка строго и одобрительно, и только подружки Юли, по дежурному внимательно, когда слушают старших, и кажется, из его слов ничего такого не поняли.

- К сожалению, о твоём дне рождения мы узнали только сегодня и не купили памятных подарков, а так хотелось тебя в этот день порадовать. А пока возьми вот эти часы, а потом мы и в остальном перед тобой исправимся. Они с рисунком и пойдут тебе больше чем мне, дай-ка твою левую ручку.

Именинница радостно зарделась, затрепетала, как осиновый листочек, робко взглянула на отца и несмело протянула загорелую руку. Угловым зрением Федор уловил по прежнему спокойный взгляд Никанорыча, озадаченно-выжидательный - Павлины Карловны, восхищенный - старшей сестры, удивленный - бабушки, и радостно-завистливые взгляды подружек.

- Нравятся они тебе?

- Аха! – выдохнула Юля.

- Ремешок не жмет? - И увидев радостный кивок головой, добавил: - Дарю!

Юля распахнула навстречу Федору благодарную чистоту темных глаз и боязливо, по дески простодушно, озадачила:

- А они не дареные? Ведь дареное – не дарят!

Лина осуждающе хохотнула, все остальные с интересом стали ждать ответа.

- Нет, не дареные.

- Сам купил? – продолжала удивлять всех именинница, и так доверчиво и мило посмотрела на дарителя, как могут глядеть только дети, и Федор не посмел слукавить.

- Нет, не купил.

- Ворованные?! – Тревога пробежала по её счастливому личику, озаботив всех присутствующих.

- Боже упаси!

Юля остановила растерянно-удивленный взгляд на Федоре и недоуменно замолчала. За столом наступила звенящая тишина. Даже слышно было в открытое окно, как в посадках ельника, что возле дома, на вечерней зорьке поет дрозд-белобровик. И тут прозвучал голос, наверное, самого сдержанного человека за столом – бабушки Арины Дмитриевны:

- Откуда же они взялись?

- С неба упали, в полном смысле!

Лина, ранее во всем молча поддерживая Федора, недоверчиво хмыкнула.

- Иду по лесу, высматриваю грибы, передо мной вроде как что-то еле слышно упало. Моя собака подбежала, сунулась в траву и, глядя на меня, завиляла хвостом, это на её языке означает - знак одобрения. Смотрю: в траве блеснул какой-то предмет, наклоняюсь - великолепные часики с красивым браслетом, необычным циферблатом. Обвел взглядом вокруг: на елке ветка качается, вроде как птица взлетела. В тот же момент близи за деревьями прострекотала сорока. Кричу на всякий случай: «Есть кто здесь!» – в ответ - тишина. Я был удивлен не менее, чем вы сейчас. Возможно, обронила их сорока. Эти птицы не равнодушны ко всему, что блестит. Весной позапрошлого года в посадках возле железной дороги я нашел сорочье гнездо, свитое из прутьев вперемешку с алюминиевой проволокой, причем, среди прутьев проволоки было не менее одной трети. В стенках гнезда торчали серебристые бумажки от конфет, и даже блестящая новогодняя мишура. Потому и подумалось мне в тот момент о сороке, по всей вероятности, она обронила часы, может, решила собаку подразнить. Любопытно, когда я поднял часы, они шли – завод у них еще не вышел. Значит, украдены они сорокой-белобокой тем же утром. Кто-то решил на улице умыться, - летом люди часто так делают. А часы снял с руки и

положил рядом и, возможно, забыл о них. Эти часики у меня уже два года. Теперь этот небесный дар передаю тебе.

Чувствовалось, присутствующие мой рассказ о часах, восприняли каждый по-своему. Юля вопросительно посмотрела на мать, та - в ответ одобрительно качнула головой, все постепенно успокоились. Начали вспоминать про свои удачные находки. Арина Дмитриевна припомнила, как она перед войной нашла старинный золотой браслет, который помог ей выжить в блокадном Ленинграде и выехать с Павой – грудным ребенком на «Большую землю». Девочки наперебой стали рассказывать о случае, как они нашли беспомощного зайчонка, принесли домой, он жил под баней, вырос, а потом взял, да в лес сбежал.

- Вы думаете, он без вас бы пропал? – осведомился Никанорыч.

- Ведь он потерялся! - За всех заверила Юля.

- Мать зайчиха прекрасно помнит, в каком укромном месте у нее каждый зайчонок, и периодически их кормит.

- Но зайчихи там не было.

- Ей и не надо там быть, она покормит жирным молоком своих чад, и сразу же убегает, чтоб не привлечь внимание врагов.

- А, может он не выжил бы, например, лиса на него наскочила, - упорствовала дочь.

- Вполне возможно, - согласился отец, - Так что молодцы, - примирительно сказал он. - А теперь, девочки, спойте вашу любимую «Черемуху», - попросил глава семейства.

Девочки пошептались между собой, тревожно взглянули на горожан, и бойко начали, новую модную тогда песенку в исполнении Марины Журавлевой «Белая черёмуха»:

Распустилась черёмуха -
Нарядилась невестою.
На душе не спокойно так -
Не найду себе места я.

Расскажу я черемухе,
Что влюбилась я по уши.
Ах, вы ночи весенние,
До чего же - хорошие.

Ах, черемуха белая,
Сколько бед ты наделала.
Ах, любовь моя первая –
Сумасшедшей была.

Аромат одурманила -
Только сердце поранила...

Девочек поддержала Лина, Полина Павловна и даже хозяин, а потом и Федор с Владимиром. Марина Журавлева, видимо, была здесь семейной любимицей. Несмотря на несовершенные стихи текста песни, энергичный и сильный голос певицы, страстная манера исполнения, в стиле народных песен, буквально завораживала слушателей. В перерыве между окончанием одной песни и началом другой, Федор наклонился к хозяину и тихо сказал:

- Журавлева – одна из самых популярных исполнительниц в наше время, её часто по радио «по заявкам слушателей» исполняют. Она мне тоже нравится. А еще для меня оказалось находкой – ваше хозяйство, прямо-таки научно обустроенное. Все продумано на каких-то сорока сотках. В мире колхозной собственности - это островок, где все есть для труда, отдыха и развития подрастающего поколения.

- Не все есть! Нет качелей, а папе все некогда! – Крикнула, услышав Федора, именинница, и моментально опять включилась в застольный разговор.

И опять подумалось Федору: «Ну, что за Юлька – везде успевает». В перерыве, когда подавали чай, Федор, выбрав момент, сказал Юле:

- Честное пионерское, мы с Владимиром выполним твое желание, если есть хорошая веревка и твой папа укажет место для качелей.

- И место есть, и веревка есть, и доска есть! – с радостной надеждой выпалила Юля.

В их разговор вмешался отец:

- У неё-то все просто. Но она забыла одну «мелочь», - там между деревьями надо поднять и укрепить пятиметровую жердь - чуть ли не бревно, на которое должны подвешиваться веревки качели.

- Лучше бы использовать сухую перекладину, её легче поднимать, - заметил Федор.

- Она давно уже заготовлена, сухая, прямая и гладкая, - отозвался отец.

- Завтра, а может сегодня и соорудим, - пообещал Федор.

- Ура!! – осмелели подружки, - Только вы повыше её поднимайте, как у Хитровых, - сказала Даша.

- А как у Хитровых?

- У них высоко, метров на пять, а нам метров на семь, чтоб дух захватывало, - раззадорилась Юля.

Павлина Карловна окатила дочь неодобрительным взглядом:

- На такой-то высоте только при взрослых можно, мы же не можем постоянно при качелях находиться.

- Сразу в пруд улетят, - пошутил отец. - Это около пруда, там прогалина есть, правда, ульи поблизости, но пчелы берут выше, - рассудил хозяин, обращаясь к Федору и Владимиру.

- А пруд у вас вырыт классической формы, принятый в моду в позапрошлом веке у провинциальных помещиков, - заметил Федор. У нас на родине есть такой.

- А и не рыли, только вычистили. Как я вам уже говорил, здесь когда-то была барская усадьба. До поселения наших предшественников пруд у помещика находился в центре парка, по рассказу моей матери, он так и назывался «Лебединым», - отозвался глава семейства.

- Камня на камне не оставили негодники от усадьбы, - возмутилась Арина Дмитриевна. – Пройдет время и от дурацких совхозов и колхозов тоже ничего не останется.

- Не может простить раскулачивания, - как бы в оправдание тещиных слов, поведал Андрей Никанорович.

- Мам, может не надо, а то накаркаешь, и правда все развалится, - пошутила Павлина Карловна.

- Не хочется в это верить, но все идет к этому. И не смотрите на меня так, Андрей Никанорович, вы сейчас будите говорить о выгоде коллективного труда, о спасительной механизации, но она не поспевает за утечкой людей из села, а выгоды коллективного труда превратились в казенщину, - сказал молчавший до того Владимир. – И доказательство неэффективности совхозов и колхозов – наше присутствие здесь.

- Но делается и очень многое для механизации, при коллективизации мы уж сели в эту «лодку», надо хозяйства развивать, - возразил заместитель управляющего.

- Значит, недостаточно делается, а чтобы изменить отношение к общественному труду, делается еще меньше, - стоял на своем Владимир.

- Не понимаю я, - при единоличном хозяйстве на одной-двух лошадях крестьянин все успевал, теперь такие машины, и приходится рабочим с фабрик приезжать, - почувствовав поддержку, не унималась Арина Дмитриевна.

- Правильно говорит Арина Дмитриевна и Владимир, - поддержал их Федор, - И дело не только в механизации, а в отношении крестьянина к труду. Сейчас согнали по двадцать деревень в один колхоз или совхоз, но у сельчанина от этого разве повысился личный интерес? Наоборот – понизился! Стало все более чужим, потому и отлынивание от работы, процветает пьянство.

- Преподаватель по труду в нашей школе сказал, что в колхозах не работают экономические законы, - робко вмешалась Лина.

- Конечно, не работают, - убежденно сказал Владимир, - Нас присылают помогать, а свои работники на своих огородах стараются, потому что им не выгодно работать в совхозе.

- Время все расставит по своим местам, - примирительно сказал мудрый Андрей Никанорович.

- Вроде как уже расставило, все больше людей убеждается, что колхоз – искусственное порождение, навязанное узколобым параноиком Сталиным и его шестерками, - жестко сказала Арина Дмитриевна.

- Слышишь, дорогой муженек, что люди-то толкуют. Мама и я то же говорили тебе, и не раз. А ты коммунист и получается должен думать, как партия думает, хотя сам-то, может, и не совсем так думаешь, - твердо и спокойно сказала Павлина Карловна.

- Пап, мам! Мы сходим в клуб, а? Там самодеятельность, - попросилась Юля.

- Только не допоздна, - разрешила мать.

- Я тоже на дискотеку загляну, - поставила в известность родителей Лина.

- Ну а мне остается посуду мыть, - вставая, сказала Павлина Карловна.

«Как странно, с такой благородной внешностью, и вроде как умнице, и мыть посуду. Ей бы «Божественную комедию» играть или Аксиныю в «Тихом Доне», - не вольно подумалось, Федору. - «А потом: как же ленинградцы - блокадники оказались здесь? А до того их еще и успели раскулачить. И это име и отчество - «Павлина Карловна?»»

- Давайте мы Вам поможем убрать со стола, - предложил Владимир. Павлина Ивановна снисходительно, и вроде как с удивлением, посмотрела на Владимира:

- Не мужское это дело. Уж лучше выполните просьбу девочек - завесьте им качели, а то она нас извела со своей затеей.

- Действительно, пока все в сборе, пошли - определимся: где и как, - предложил Владимир.

- Пошли, пошли, - охотно согласился хозяин.

Самые высокие качели

Когда вышли из дома и направились к пруду, Федор поинтересовался у хозяина:

- А вы что же, воевали с первых дней войны? Вы смотрите очень молодо, как будто в войну вместе с нами под стол пешком, не сгибаясь, ходили.

- Почти всю. В июле взяли и сразу в училище, я только что окончил десять классов и получил «Аттестат зрелости». А до войны десять классов образование немногие имели. Войну закончил в Европе в чине майора. И сразу на Дальний Восток, на другую войну - с Японией.

- Две войны подряд и остаться живым, да Вы в рубашке родились, - удивился Федор.

- Сам удивляюсь, по всем статьям не должен я дожить до наших дней. Много раз ранен был, но не так, чтоб до увечья. От нашего выпуска из военного училища – от четыреста офицеров, в живых остались только восемь

человек. А какие ребята были: сильные, красивые, грамотные и все неженатые – даже наследников не оставили. И вот осталось нас живых всего-то восемь человек – крохи. А мне иногда про себя приходят мысли: «Я хуже их, что ли воевал, раз остался жив». И вроде как - виноват перед ними.

- Потери просто ужасающие! И тем более я не понимаю: зачем нам была нужна еще одна война, война с Японией. А с другой стороны: коли разгромили вооруженные силы этой страны, пролили еще крови, почему не вступили на территорию Японии, а поднесли «на голубой тарелочке» Соединенным Штатам?! – озадачился Федор.

- Обещали союзникам вступить в войну с Японией, вот и начали военную кампанию - ответил майор в запасе.

- Они нам тоже обещали открыть второй фронт и три года наблюдали, как истекает кровью советские солдатики, – вмешался Владимир. - Ведь на Германию работала вся Европа. Пусть бы Америка показала в Японии, на что она способна. Пять лет воевала с Японией и ничего сделать не смогла.

- Насчет американцев, как вояк, полностью согласен с Владимиром. Но вступить в войну с Японией у нас были свои козыри. А вот не стали оккупировать остров Хоккайдо – (Сталин в самый последний момент отменил приказ), - я тоже в недоумении, - отозвался бывший офицер. Вскоре перед этим американцы сбросили две атомные бомбы на японские города Хиросимо и Ногасаки, может чудовищные разрушения повлияли на Сталина. У нас атомная бомба появится только через четыре года. Выступили бы мы на пару недель пораньше против Японии, – у американцев не было бы повода совершить это чудовищное преступление против японского народа. Ведь 90% японской армии оказались у нас в плену, бояться бы американцам было некого.

- Причина банальная – Сталин трусил. Не был бы он диктатором, коллективный разум принял бы более правильное решение, - отозвался Владимир.

- Как он охранял себя любимого – двойным, тройным кольцом, может и правда, был трусоват? – поддержал приятеля Федор. - Вы-то в каком году вернулись с Японской войны?

В 1946 году. Непобедимую Квантунскую армию мы окружили и взяли в плен в течение двух недель с минимальными потерями. По возвращении мне предложили продолжить военное образование в Академии, перед тем представили отпуск. Приехал домой, увидел красавицу Паву, ей было 17 лет, и ничего более не надо, ни академии, ни военной карьеры.

- Представляю: молодой офицер, почти юноша, при орденах, никакая девушка не устоит, - унесся мыслями в прошлое Федор.

- Все было ох, непросто. Там, кроме прочих, был еще один серьезный претендент, тоже фронтовик при орденах, и тоже молодой. Он симпатизировал ей еще со школьной скамьи. И Павлина не сразу решилась

пойти мне навстречу, так что академия и военная карьера отошли на второй план.

- По-моему, наша армия лишилась толкового военачальника, неужели нельзя было совместить любовь и службу, - поддержал приятеля Владимир. – Ваше место, возможно, заняла какая-то посредственность, ведь в академию желающих хоть отбавляй.

- Не скажите, войну благополучно закончили много толковых офицеров. Боевая обстановка – лучшая проверка командных и человеческих качеств. В военное время почти все наши маршалы и генералы были подтянуты и молоды - в возрасте от 40 до 50 лет, - не согласился Никанорыч.

- А в наше время все изменилось и не в лучшую сторону. Я недавно видел, – продолжал Владимир, - показывали по телевизору встречу нашей и американской военных делегаций, так сказать - высший генералитет двух самых сильных армий. Американцы – все подтянуты, энергичные, а наши: пенсионеры, оплывшие серые ряхи, с выпирающими животами и тройными подбородками.

Андрей Никанорович внимательно посмотрел на Владимира и прокомментировал:

- Мужики, неужели у нас все так плохо? А на производстве как?

- На производстве, слава Богу, более-менее, - ответил Владимир.

Они вышли на берег пруда, с его глади поднялись утки.

- Дикие? Это о них говорила нам Юля в первый день приезда? – Поинтересовался Федор.

- Дикари, их здесь никто не пугает. Нынешним летом они на островке впервые загнездились. Взрослых, да не знакомых они побаиваются, а мои дочки их подкармливают, чуть ли не с рук.

- Вот здорово! А как же собака с дичью ладит?

- Так же, как и с домашней птицей, она умница и все понимает – ей внушили: «нельзя».

Трезор оказался легок на помине: прибежал, уселся возле хозяина и уставился в сторону пруда.

- Вот-вот, каждый раз: сядет и смотрит туда, - подметил Владимир.

- Охотнические инстинкты в нем говорят, - ответил Никанорыч

- Если бы все так относились к братьям нашим меньшим! Какая бы прекрасная гармония наступила между природой и людьми! – Восхитился Федор. - А то ведь некоторые «любители природы» с ружьями отдыхают, норвя подстрелить кого-нибудь. Чем больше убил – тем больше радости. Средневековье какое-то, от которого никак не можем отойти. Знаменитый певец народа Некрасов Н.А. был заядлый охотник и только на смертном одре опомнился. Когда друзья решили его порадовать и поднесли в дар добытых ими птиц, он посмотрел на подарок и печально произнес: «Что же мы делаем, кого любим - того и убиваем».

- Похоже, до этого еще далеко, - задумчиво произнес Никанорыч.

- Как у вас тут просторно. Власти не предъявляли претензий, ведь у вас вместо уставных сорока соток, больше в разы, - подметил Владимир.

- Многие так думают, но строиться до меня здесь никто не захотел, считали это место «нехорошим». У меня же огорожено всего сорок соток. Пруд и парковая зона за пределами моего участка, сохранилась от старых времен, и частично обновлены моей семьей. Кто же на меня будет сетовать, что я эту самую парковую зону восстановил, причем, безвозмездно. И самое главное: в наше время среди местного руководства дураков и фанатов стало гораздо меньше.

Федор спросил:

- Андрей Никанорович, вот я смотрю и не соображу, где же здесь можно повесить качели, да еще налету прыгнуть в пруд, как Вы недавно выразились?

- Ну, это я к слову сказал, до воды, пожалуй, не долетишь. Видите слева от пруда просвет? По краям этого просвета стоят столетние ели. Расстояние у земли между стволами крайних деревьев около шести метров, а между вершинами и того меньше: метра три-четыре. Если на сучки этих ёлок на определенной высоте положить и закрепить перекладину, тогда и качели можно повесить.

Они пошли берегом пруда к месту просвета между деревьями, вдруг из прибрежных зарослей рогоза и осоки резво выплыла кряква, а за ней с десяток взрослых утят, и строго друг за другом - караванчиком направились к острову в центре пруда. Следом за ними еще одна кряква с таким же выводком поспешила туда же.

- Умеют же затаиваться, мы неделю прожили и ни разу не видели их, - удивился Владимир.

- Вы же так не шумели, как мы сейчас. Я уже давно подозревал, что они тут обосновались, - провожая выводки взглядом, сказал Никанорыч.

Они вышли к прогалине, сучья вершин крайних деревьев почти сомкнулись, образуя своеобразный коридор.

- Вот эти два дерева и надо соединить, - пошлепав ладонью по стволу ту и другую ель, предложил Андрей Никанорович.

- Ух, ты! – Восхитился Владимир. - Здесь маятник получится метров десять! Я сам бы с удовольствием покачался. Это же такое удовольствие даже для взрослых!

- Не высоковато будет для подростков? – Усомнился глава семейства.

- Упасть можно с качелей высотой три метра, как будешь качаться. Здесь, наоборот, более пологий полет будет. Просто надо запретить сильно раскачиваться, - настаивал Владимир.

- «Запретить», - Никанорыч ухмыльнулся. Заводилами здесь будут подростки, а взрослые пришли и ушли. А детворе надо еще втолковать, что сильно раскачиваться - опасно для жизни. Ведь здесь побывают ребяташки со всего села. При этом не надо забывать, что даже у воспитанных детей

поступки бывают непредсказуемы. Вспомните свое детство. Так что примем золотую середину: не десять и не пять, а метров семь-восемь от земли.

- Да, подстраховаться надо. Хотя Лина с Юлей – девочки умные и слушаются Вас, как китайцы Мао-Цзе-Дуна, - пошутил Федор.

- Своим-то я втолкую, допустим. Но здесь будут их друзья и знакомые, станут друг друга подзадоривать – кто выше взлетит.

- Тоже верно, - поддержал его Владимир. – Вы говорите, что валежина заготовлена?

- Заготовлена и давно. Дочки просят качели уже не первый год. А завесить их можно только втроем. Наконец-то их задумка сбудется. Сейчас перекладину принесу.

- Может помочь? – Предложил Федор.

- Справлюсь-поди, она же сухая.

- Пока он ходит, давай прикинем разницу расстояний между корнями деревьев и вершинами, - предложил Владимир.

Он вытащил из кармана маленькую логарифмическую линейку, отошел в сторону и начал стоящие на просвете деревья замерять.

- Во, настоящий инженер! Даже в колхоз взял логарифмическую линейку! – Удивляется Федор.

- Видишь, пригодилась! – В тон ему ответил Владимир. – Хотя здесь обыкновенной метрической линейки достаточно.

- Так простую линейку носить бы не стал.

- И то верно. Навскидку - вершины деревьев ближе друг к другу метра на полтора, а то и два. Давай-ка еще раз замерим расстояние между корнями деревьев, - предложил Владимир.

- Придется замерять твоей линейкой. Ты возьми сухой сучок, вымеряй его той же линейкой, он и будет меркой. Если рассказать на заводе, как мы расстояние между деревьями измеряли логарифмической линейкой, вот смеху-то будет.

- Измерять другие длины, думаю, не будет надобности, Никанорыч - мужик ушлый, прежде чем заготовить валежину, он все уже вымерял. Согласен?

- Да, уж наверно. А вот и он с ношей приближается и не такая она легкая, а на концах сделаны углубления - привязывать вожжи при подъеме.

- Мужики, есть предложение! – Еще издали кричит Никанорыч. – Я сейчас принесу еще два молотка, гвозди, двою гужей от хомута и двою вожжей...

- А гужи-то зачем? – прерывает его монолог Федор.

- Гужи зачем? Потому что гвозди это не надежно, веревка тоже не очень, а вот гужи - в самый раз. Вы ими захлестнете ствол елки петлём, а в другую петлю перекладину продените. А чтобы вам два раза на дерево не влезать, мы один конец вожжей приспособим к перекладине на земле. Подниматься по стволу, вы будите каждый налегке, только с вожжами,

молотком, гужами и гвоздями. Когда окажитесь на нужной высоте, сбросите нам каждый свой конец вожжей, мы их концы привяжем к концам перекладины. И вы начнете перекладину поднимать, но в вертикальном положении. Поднимать придется одному, допустим, Федору, и лучше ему вожжи перетягивать через толстый сук, используя его как опору, так легче. Второй из вас влезает на другое дерево, но на уровне нижнего конца перекладины, иначе ветки будут вам мешать. И только наверху придадите валежине горизонтальное положение. Придется повозиться...

- Смотрите сучья-то у ели по три-четыре метра, может встречные, где качели будут ходить, опилить сейчас? - Предлагает Федор.

- Опилить обязательно, но в последнюю очередь, в целях вашей безопасности, - отвечает Андрей Никанорович.

- Вы идите за всем остальным, а мы с Владимиром, перед тем как залезть, тут покумекаем, - сказал Федор.

- Вот я и говорю, что Никанорыч все промерял и продумал, - отозвался Владимир. Классический пример отличия человека от пчелы. Он нашу предстоящую работу выстроил вначале в голове. А теперь нам предстоит теорию проверить практикой. Для начала приставим валежину к дереву, смотришь, метров на пять поднимать будет меньше.

- Приставим, когда привяжем к ней вожжи. Придется лавировать между сучьями, а они торчат во все стороны. Ведь валежина - не рейка, ее одной рукой не подашь, - говорит Федор приятелю.

- Вот Никанорыч-то и предлагает при подъеме перетягивать вожжи через толстый сук. Ты, допустим, будешь её тянуть на себя, а я свой конец перекладины поддерживаю веревкой, и наоборот, - продолжил Владимир. - Меня вот что беспокоит, успеем ли мы до темноты. Мороки будет много, а солнце уже не так высоко.

- Сколько успеем, все трое настроились, а потом, лучшего подарка девчужке в день рождения и не придумаешь.

Прибежал Андрей Никанорыч, запыхавшись, с двумя молотками, с большими и поменьше гвоздями, двумя гужами и двумя новыми вожжами, в виде мотков, и скаткой тоже новой веревки, в палец толщиной.

- Вы уже прикинули! - Возбужденно произнес он, - Ну, так еще удобнее начинать!

- А мы гадали высоту качелей, длина веревки диктует нам эту высоту, надо, чтоб концы доставали до земли, вспомним каждый свое детство, - напомнил им Федор. - Веревкой для качелей, надо обернуть вокруг поперечины, т.е. здесь - на земле завесить будущие качели, да, прижать гвоздем. Она будет подниматься в вертикальном положении, и веревка может съехать.

- Правильно мыслишь, - одобрил Никанорыч. - Наверху вам до середины поперечины не дотянуться, когда в горизонтальном положении водрузите её на место.

Они распутали моток веревки, серединой длины обвили перекладину два раза, сверху прижали загнутыми гвоздями. Замкнутую сторону веревки оставили висеть, свободные концы стали свивать в кольцо, но Андрей Никанорыч их остановил:

- Так вы запутаетесь в хвое. Надо метра четыре веревки накрутить на поперечину серпантинном, а оставшуюся веревку намотать по краям, затем снять и обмотать проволокой, потом опять надеть. К концам поперечины привязать по одному концу первых и вторых вожжей. Как только будет необходимость, вы веревочное кольцо сняли, а «серпантин» сам разматается. Но как оно на высоте получится трудно сказать, все не предусмотреть.

Владимир глядит на Андрея Никаноровича и улыбается:

- А я тебе, Федорыч, что говорил, все здесь до нас продумано и много раз. Так что делаем, как он говорит.

- Твоя правда, - отзывается приятель. – И все-таки качели получаются у нас слишком низко.

- А кто тебе сказал, что низко, - отозвался Никанорыч. - У меня две веревки приготовлены по 20 метров каждая. Смотри, они толстые, мягкие – держаться за них будет удобно.

После этих слов Владимир расхохотался долго и с удовольствием.

- В который раз толкую тебе: делай, как он говорит!

- Ой, ребята, я сотню раз все прокручивал в своей башке. Вы пока распихивайте гвозди и молотки по карманам, обвязывайтесь гужами и вожжами, и забирайтесь на первые сучья. Ножовки мы вам потом подадим – привяжем к концам вожжей. А я сбегая за санными вилами, у них черенище метра три, да плюс мой рост, на пятиметровую высоту при подъеме я могу поперечину поддерживать.

- На какое-то время Вы у нас будите прорабом, - шутит Владимир.

- На пять метров вы поднимите, да, пять метров длиной сама валежина – мне и поднимать не придется, - рассудил Федор.

- Вот и хорошо! – Согласился хозяин.

Приятель приставили перекладину на старое место, засунули молотки под ремень брюк, разделили гвозди, обвязались и приготовились карабкаться.

- Только в «техасах» и лазить по деревьям, - обмолвился Владимир. – Ты поздравей и, вообще, лезь первым, согласно нашей технологии.

Когда подбежал новоявленный прораб, Федор был на высоте приставленной к дереву поперечины. Владимир остановился на нижних сучьях, а Федор полез выше, до предполагаемой отметки, где должна лежать опора качелей. Никанорыч с земли внимательно наблюдал, помогая и расправляя, чтоб не спуталась слабина веревки у Федора. Когда он уже не мог помочь, он отошел от дерева и крикнул Федору:

- Стоп паря! Сейчас ты находишься где-то на восьмиметровой высоте. Примерно на уровне своего плеча найди подходящий сук и закрути конец вожжи!

Что не без труда Федор и сделал. Огромные и частые сучья позволяли манипулировать груз с трудом. За шиворот валились иголки и разный мусор. Вожжу он перекинул через сук, примерно, пять сантиметров толщины и сообщил об этом вниз. От прораба последовала команда:

- Перетягивай через сук, я тебе поперечину поднимаю. Смелей – вира, вира!... Володя! Ты тоже поднимаешься со скоростью и наравне с нижним концом поперечины! Теперь, Федор, держи, я поднял на руках, сейчас отпущу груз, надо вилы взять! Как, держишь?

- Легко держу!

- Держи, я беру вилы и опять буду тебе помогать! – Он вложил торец в центр трезубых вил, и скомандовал: - Вира-вира! Володя, продолжай подниматься вместе с поперечиной!

Федор ойкнул, - оказывается, наткнулся на обломок сухого сучка щекой.

- Только осторожно ребята, скоро сумерки наступят, ради Бога не покалечьтесь! - Заклинал снизу Никанорич.

От дома слышались детские возгласы. Бегут Юлька со своими подружками и еще издали завизжали от удовольствия.

- Нам мама сказала! - кричит Юлька, и лица девочек излучают счастье. – Пап, пусть у нас будут качели самые высокие!

- Ну, уж как веревка позволит, - слукавил отец.

- А вы прибежали моральную поддержку нам оказать, молодцы! – Кричит им с высоты Владимир.

- Так вы у нас смельчаки, вон, куда уже забрались! - Не лезет в карман за словом Юлька. – Я сейчас к тебе залезу!

- Еще упадешь!

- Это я-то упаду! Да мы с девушками все деревья излазили!

- Никанорыч, правда что ли?! – удивляется Федор наверху.

- Да уж, правда! Я их так и зову векшами. И что удивительно, ни разу не откуда не падали, слава Богу! Но сейчас лазить к ребятам не надо, не мешайте – работать!

- Ну, Юля, не перестаешь ты нас удивлять! – Отзывается Федор.

Федор смотрит на девчушек с высоты. «У всех приятные славянские мордашки, но Юлька! Вот вырастет, вот «личность» будет на всю округу... Натуральная блондинка с темными глазами, да еще и смышленная... Актрисой в кино бы её, всех западных красавиц затмит... Ведь как здраво рассуждает для своих лет. Всевышний вознаградил отца – за добрые дела, защиту Отечества, чувствуется, воевал он не за страх, а за совесть».

- Федорыч! Ты определился с опорой – толстым суком, на котором будет лежать поперечина! – Прерывает мысли Федора любимец Богов и отец будущей красавицы. – Владимир, ты уже на высоте своего приятеля!

Приводите в горизонтальное положение опору. Федя! Надо чтоб твоя точка опоры устраивала Володю, а то одна сторона может быть ниже.

- Тогда мне надо еще немного поднять свой конец и взять на себя! – Кричит Владимир.

- Сейчас отойду в сторону посмотрю! Попробуй поднять! Теперь нормально! Все ребята, - шабаш! Начинайте крепить! Помимо того, что «засупоните» гужами ёлку, надо чтоб поперечина лежала не только концами на толстых сучьях, но в петле гужа, желательнее – в натяге. А когда в петлю гужа поперечину просуните, то зафиксируйте гвоздем. После этого распутайте вожжи, и концы сбросьте вниз, предварительно эти концы смотайте кольцом, чтоб дальше в сторону отлетели. Мы привяжем вам ножовки. Многие сучья, растущие навстречу друг другу, как уж говорили, надо отпилить, чтоб не мешали раскачиваться! А почему концы веревки не падают к нам?!

- Еще время не пришло! - Отзывается Федор.

- Девочки, и вам есть работа. Юля, в сарае в углу стоит толстая доска с округлыми концами.

- Знаю, знаю! – Сразу отреагировала дочь.

- Давайте её сюда, несите каждый конец обязательно по двое!

Сверху, к подножию деревьев, слетели мотки концов вожжей и оба застряли на еловых лапах, затем наверху глухо застучали молотки. Андрей Никанорович длинными вилами по очереди возвращает концы вожжей на землю и привязывает к каждому концу ножовки.

- По одному гвоздю на одну сторону хватит! – Кричит Владимир.

- Вполне! Но, гвозди вгоните покрупнее! Вожжи тяните!

На берегу пруда слышались крики и смех девочек, совместный труд у них не очень спорится.

- А хорошо ли, что мы захлестнули ствол деревьев гужами, да еще мертвой петлей, вершины начнут сохнуть! – усомнился сверху Федор.

- Согласен, не очень хорошо! - Отзывается отец семейства. Лучше бы пластины подложить. С другой стороны, гуж не веревка, он широкий! Через какое-то время надо залезть и посмотреть.

Девочки визжат, но стараются, как могут. Шум у них от восторга и нетерпения, для них начинаются долгожданные мгновения, этих минут они ждали слишком долго. Мудрый Юлин отец, видимо, давно бы завесил качели, но ждал, когда подрастут детки, или когда наступит нужный момент. И вот свершилось.

- Сбрасывайте вожжи, они теперь вам только мешать будут, предварительно смотайте! – Советует прораб.

Вожжи – одни за другими благополучно достигают земли, молотки - тоже. Через какое-то время сверху были сброшены, смотанные кольцом, концы несущей веревки, но они застряли. Хозяин семейства опять берется за вилы и спускает их вниз. Сверху заработали пилы. Длинные еловые сучья,

растущие навстречу друг другу, заваливаясь, повисали на ниже растущих. Спилывая их, верхолазы постепенно спускались к земле.

- Пусть застрядают, деваться им некуда, как на землю! - подбадрывает ребят хозяин.

Федор с Володей постепенно оказались на нижних сучьях, которые под тяжестью спиленных, прогнулись до земли. А вот и земля. Девчушки сидели на принесенной доске и внимательно наблюдали за взрослыми. И тут все замечают, что у Федора окровавлена щека, а у Владимира - рука пониже локтя. Юлька с разбегу обхватывает одного своими ручонками, а потом другого, и обоим глядя в глаза своим чистым взором, говорит «спасибо». Это не только воспитание, а что-то глубже, на генном уровне. Ребенок, а утешила, и работники польщены. На этом она не успокоилась, побежала домой, принесла приготовленные когда-то, лечебные снадобья. Прежде чистым влажным тампоном смазала и завязала руку Валадимиру, а потом – смазала царапину Федору.

Отец, обвивая веревками доску, попадая ими в углубления, сделанные заранее в доске, одобрительно смотрит на дочку, затем прикидывает высоту, под нетерпеливые возгласы Юлиных подружек. Тут подросла и виновница всей этой суеты.

- Пап, доска высоко от земли, наверно, - подсказывает Юля, делая немислимый танец от нетерпения, и пытается сесть на доску.

Девочки тоже визжат и прыгают вокруг качелей, для них сейчас начнется долгожданное таинство полета. Отец строго говорит:

- Высота качелей должна быть чуть выше табуретки, если человек упал, чтоб доской его не задело. – И обращаясь уже ко всем: - Девочки, надо подождать. Вначале, мы – взрослые проверим на прочность. Хотя поперечина достаточно надежная, но чтоб не думалось, и на душе было спокойно. Тем более, что высота валежины получилась приличная.

Молодые люди встали по краям, держась за стропы, а прораб всей этой затеи, сел посередине.

- Девочки помогайте раскачивать, раз-два - взяли, теперь подождите когда качели к вам вернуться и опять, раз-два - поехали, - весело командует хозяин семейства.

Володя с Федором тоже упираются ногами и руками, и угол колебаний постепенно увеличивается, а могучие ели чуть вздрагивают. Девочки бегают за качелями, галдят и требуют, - теперь их очередь «полетать».

- Все, баста! – Останавливаемся! - Скомандовал Никанорыч, и начал тормозить ногами.

Качели еще не остановились, а за веревки уцепились с радостными возгласами девчушки, и, не дождавшись, когда сойдут взрослые, стали карабкаться на доску.

- Да подождите вы - букашки двуногие, еще мы не остановились, - беззлобно ворчит на девочек Никанорыч. А когда качели остановились, он

скомандовал: – А теперь, ягозы, двое из вас встают по краям, и двое сидите или стойте в середине, и тоже держитесь руками за стропы!

- Стоя, стоя хотим! - Визжат девочки.

Взрослые их раскачивают, девочки тоже помогают, и получается у них лучше, чем у взрослых. Друзья подняли такой радостный гвал, что пришла любопытствовать Юлина мать.

- Доченька, хватит раскачиваться, Андрей, чего молчишь. - Девочки перестали выгибать свои хрупкие тельца и от удовольствия даже прикрыли глаза, а лица их светились блаженством.

- Мам! Да, не бойся, мы же выше качаемся на других качелях.

Девочки чувствовали себя очень уверенно, и Павлина Карловна наблюдала за ними без прежнего страха, после и вовсе успокоилась. Потом она подошла к молодым людям и тихо спросила:

- Федя, Володя, а перекладину вы хорошо укрепили, ведь детки-то изувечиться могут.

- Не беспокойтесь, с обоих концов валежина «запряжена в гужи» и лежит на толстых сучках толщиной с руку, как бы в рогатке заперта, все это зафиксировано большими гвоздями, - заверили они наперебой хозяйку. – Супруг ваш заранее досконально все продумал, и делали мы под его наблюдением.

В сумерках Федор впервые увидел совсем рядом лицо Павлины Карловны: эти густущие непокорные волосы, окаймляющие высокий лоб, разлеты темных бровей над колодцами серьезных темных глаз, красивый носик с чуть крылатыми ноздрями – признак волевого характера. Эти чувственные губы над красивым овалом округлого подбородка. Большие, еще высокие груди, бедра при выразительной талии. «Ей далеко за сорок, а еще все при ней. Можно понять молодого Андрея. Ради такой женщины не только карьеру, но и голову можно потерять. Говорят, соперник Андрея – тоже офицер постепенно спился, так и не полюбил никого, и это при подавляющем большинстве девушек по отношению к парням и одиноких молодых женщин после окончания войны. Ведь по статистике: в село вернулся живым с войны только каждый шестой-седьмой человек. Сколько же оказалось одиноких девчат, молодых жен, и не испытавших счастья материнства? По сути, наши русские красавицы оказались дважды несчастными. А сколько же мы по этой причине лишились полноценных граждан нашего отечества, кто-нибудь подсчитывал?

Вот и пойми это фронтовое поколение. Более того, бывший соперник несколько месяцев назад по пьяной лавочке грозился отомстить Андрею Никаноровичу, размахивая ружьем, которое, как заядлый охотник, имеет на законных основаниях. В наше время любой бы постарался совместить любовь и карьеру, да и ненависть офицера - неудачника как-то погасить. Если соперник так долго пьет, значит у него, как говорят медики, «сужение личности», и от него можно ожидать любых поступков. Мы – молодое

поколение стали практичнее и, видимо, корыстнее, а корысть, как известно, умертвляет романтику.

А еще рассказывают, Андрея Никаноровича пригрозили выгнать из партии, если он не примет руководство совхозом. А раньше он, якобы, отказался от должности секретаря райкома, и ему тоже грозили исключением из партийных рядов. Исходя из его, как теперь выяснилось, взглядов, причина отказа сидит гораздо глубже. Казалось бы, вот такие умники-бессребреники и должны быть на высоких должностях, ибо для них более доступна истина человеческих отношений, они менее подвержены «звездной болезни» и зазнайству. Словом, как тут не вспомнить «загадочную русскую душу», - роем пронесли мысли у Федора, глядя на местную роскошную красавицу.

Три скирды одолели, под дождик и четвертую завершили

На другой день горожанам предстояло убрать большое поле травы, скошенное накануне тракторной сенокосилкой. Сено почти сутки пролежало, завяло, его требовалось до обеда перевернуть, а во второй половине дня сгрести в копны и соскирдовать. Федор послал Владимира опять на зерносушилку. Механизаторы-горожане, работающие на тракторах, комбайнах, сенокосилках подчинены совхозному бригадиру. Сам же Федор отправился с утра с основным народом на уборку сена. Теперь все зависело от хорошей погоды, которая редко выстаивала два дня подряд в это гнилое лето.

Для совхоза было очень важно убрать свежесушенное сено, для чего на поле приехал Андрей Никанорович, а потом на тракторе-скирдователе - сам управляющий. Почти шесть десятков человек до обеда со свежими силами перевернули сено часа за два и уехали обедать. После обеда надо было сено не только сгрести в копны, но эти копны унести на носилках к месту стогования. Но вот приехал скирдователь и начал из копен формировать скирду. Потому перекуров практически не было, надо было успевать за техникой. Как только будущая скирда выросла метра на полтора высотой, туда забрались двое опытных парней. Их цель: приминать, подправлять, приминать и растаскивать поданные копны по всей поверхности.

Подгоняла сама погода: вдалеке гремело, собирались синие тучи, потом, слава Богу, рассеивались. Как будто, сам Всевышний помогал и поощрял хороший труд. Вот уже сформировалась одна огромная скирда, размером с сенной сарай, через полтора часа - другая, ближе к вечеру - третью одолели. Горожане, не привыкшие к продолжительному физическому труду, не имели выносливости сельчан, выручали бывшие деревенские парни, уехавшие из села в город несколько лет назад и не потерявшие связей

с родным селением. Вместе со всеми работали на равных управляющий совхоза, его заместитель, и это людям придавало силы.

Последнюю – четвертую стоговали из последних сил. Женщины гребут, гребут, да так и сядут, где стояли. Уже никто никого не подгонял, чувствовалось, притомились и руководители совхоза. Однако, скирда – последыш росла на глазах. И когда скирдователь укладывал последний завершающий ряд – гребень скирды, вроде и не откуда пошел мелкий спорый дождь. Собственно, людям оставалось подобрать сено за трактором, потому женщин услали в ПАЗик – автобус, а мужчины и техника довели дело до конца. Почти шесть десятков человек мокрые и довольные, расселись кое-как по три и даже четыре человека на парные сиденья, набились в проходы и покатали в село. Директор совхоза, человек энергичный, с подвижным лицом, сидевший лицом к присутствующим, предложил рассказывать по очереди анекдоты и начал первый:

«Чукотка объявила войну Китаю, в генеральном штабе Китайской Народной республики крайне удивлены были, долго искали такую страну на карте и еще больше удивились, - Чукотка оказалась частью России. А, как известно: «русский, китаец - братья на век». Китайская делегация выехала на Чукотку, увидели стойбище, где стоят полтора десятка яранг, спрашивают собравшийся народ:

- Вы нам войну объявили?

- Мы! – Гордо отвечают чукчи.

- Но Чукотка часть дружественной нам страны, как же вы без ведома Правительства России объявляете нам войну?

- А мы народ самостоятельный!

- Сколько же у вас людей?

- Никто не считал, но весь север наш.

- Допустим, но вы хоть знаете, что в Китае людей больше миллиарда?

Чукчи задумались:

- Да... Неувязочка вышла. Где же мы вас столько народу хоронить будем?...

Очередь рассказать анекдот сидящего рядом заместителя.

- Поведаю вам анекдот-быль военной поры, - предупредил Андрей Никанорович, - Отражающий будни жестокой военной действительности. Так вот: рота не удержала высоту под натиском в несколько раз превосходящего врага, «позорно побежала», как говорится в приговоре. И первым драпанул мальчишечка, которому еще и двадцати годов не было. Все, кто остался жив в роте – 13 человек, судил трибунал и постановил: «Зачинщика паники Иванова приговорить к расстрелу, остальных 12 человек направить в штрафной батальон».

День, когда должны привести в исполнение приговор, выдался холодным, ветреным и дождливым. Мальчишка съезжился, идет понуро впереди двух конвоиров, и горько шутит: «Даже помереть в хорошую погоду

не пришлось». А один из конвоиров и отвечает: «Тебе-то что, а нам еще обратно по такой погоде идти». Нелепость этого ответа, как ни странно, рассмешила обреченного. Он остановился и зашелся в каком-то истерическом хохоте: мокрый, маленький, тщедушный. Конвоиры, люди были пожилые, бывалые, замшелые, души их давно очерствели. Но они были отцы своих детей, и где-то в уголке души одного из них проявилась жалость. Он и предлагает своему напарнику: «Давай его отпустим, ведь еще ребенок. Пристанет к другой части, возможно, пользу принесет». Тот согласился. «Ну, беги парень, да не оплошай!» У паренька на лице отразилась такая радость, он весь выпрямился и сказал напоследок: «Какая сегодня прекрасная погода», - и шмыгнул в кусты. Почему я знаю эту историю? Паренек объявился в нашем батальоне, сказал, что отстал от своей части. Мы с ним подружились, прошли всю войну. Воевал он смело и с выдумкой. Сам он сибиряк – из Новосибирска. Несколько лет тому назад на мой юбилей привез собаку – щенка. Теперь щенок превратился в большую и красивую собаку. Вон - Федор с Владимиром моего Трезора видели. Вот такая быль.

Когда на очередном рассказчике с анекдотами споткнулись, директор опять проявил инициативу:

- А давайте споем, подтягивайте, кто может. Его охотно поддержали, особенно женщины. И не спрашивая, какую именно песню желают люди, запел:

Ой, цветет калина в поле у ручья,
Парня молодого полюбила я.
Парня полюбила на свою беду...

Слова и мотив песни знали почти все и пели самозабвенно и старательно. Одна песня сменяла другую, все больше появлялось улыбок на лицах, шутки сыпались со всех сторон. Федор смотрел и думал: «Сельское руководство ведет себя проще с людьми, умеет разговаривать на равных, нет той чопорности и официозности, что процветает в городе. И вообще, выходцы из села уже давно ставшие горожанами, выросли до руководителей цехов, отделов и целых заводов, как, например, Ковалев В.А., ведут себя проще, доступнее с подчиненными, как бы универсальнее чувствуют себя в жизни, крепче стоят на земле». Выходцев из провинции Федор отличал сразу, даже если с человеком только что познакомился.

После удачной уборки (сено скирдовали после первой сушки) и по поводу воскресенья ужин в столовой был шумный. Управляющий попросил заведующую столовой выставить на каждый стол по бутылке водки. Загремела музыка, начались танцы, одно было плохо: не хватало женского персонала. Пришлось разгоряченным участникам вечера встать в общий круг, благо современные танцы позволяют это. Про усталость и напряженный трудовой день, вроде как, все забыли. А потом опять расселись за столами. Андрей Никанорович и Федор сидели за одним столом. После одного из танцев, заместитель управляющий предложил:

- Не пора ли нам в свои пенаты, на качелях качнемся, - и он бедово посмотрел на своего спутника.

Веселье шло своим порядком, когда они незаметно покинули шумную вечеринку. Летний день был уже совсем на исходе, они шли не спеша. В такие моменты торопиться не хочется, а наслаждаться бытием и говорить на отвлеченные темы. И Федор, почувствовав благодушное настроение спутника, поинтересовался:

- Почему не осталось в усадьбе ни одного барского строения, коли, как Вы сказали, усадьбу планировали не дилетанты архитекторы и соблюдали противопожарные разрывы.

- Уже в годы моего детства от ансамбля оставались одни руины. Кирпичные стены вместительной конюшни постепенно разбирали на хозяйские нужды, а щебнем разрушенной конюшни мостили ухабы на дорогах. Мать моя рассказывала, что у помещика был роскошный сад, выращивали даже цитрусовые культуры. В усадьбе не раз бывали царствующие особы - дом-то стоял на большой дороге, в летнее время устраивались богатые приемы.

- Вы говорите с таким сожалением об утраченной усадьбе: это дань справедливости, ностальгии или патриотизму?

- Прежде всего, - справедливости. Владелец был передовым человеком своего времени в агротехнике. Щедро делился своим опытом с соседями-помещиками и предприимчивыми крестьянами. Например, картофель он стал возделывать один из первых и убеждал крестьян вместо репы переходить на картофельную культуру. Устраивал выставки, выражаясь современным языком, «Выставки достижений сельского хозяйства». Для чего призывал всех соседей, включая крестьян, поделиться и своими достижениями на земле. И это была не дань вежливости, а стремление «быть впереди планеты всей».

Даже при крепостном праве помещики с огромным уважением относились к крестьянскому опыту, часто советовались с ними. Ведь каждый крестьянин владел около сорока специальностями. Он пахарь и животновод, плотник и столяр, овощевод и почвовед, печник и кровельщик, агроном и учетчик, косарь и пчеловод, кузнец и коневод, словом, мастер-практик на все руки. Некоторые помещики были тоже универсальными умельцами и многие крестьянским трудом не гнушались.

Что означает понятие, например, что крестьянин был хорошим почвоведом. Он прекрасно знал: на каких почвах что сажать. Община села в царское время владела от тысячи до нескольких тысяч десятин земли. Почвы на такой огромной площади, естественно, разные – подзолистые, песчаные, глинистые и т.д. На сходке община выносила решение, чтобы каждое хозяйство владело землей в нескольких местах с разными почвами, что без обиды для других. У одного и того же крестьянина один клин песчаный – легкий к обработке, есть и глинистый. Особенно, если глинистый участок

был под травостоем - отдыхал несколько лет. Пришло время его пахать. Вспахал, например, хозяин эту глинистую целину, он не станет её сразу боронить. Он вспашет её под зиму, пусть над этими ломтями поиграет мороз. Поздней осенью и ранней весной на улице то – мороз, то – оттепель с дождем. И так много раз. На перевернутой целине появляется много микротрещин. И весной, когда почва подсохнет, хозяин начинает её боронить. Усилий на обработку такой почвы уходит меньше в разы.

- А мы кроме плохого, ничего о русском помещике, да и крестьянине, не знаем, - отозвался Федор.

- Между нами говоря, советская пресса запудрила нам мозги основательно. Нас убеждали и продолжают убеждать, что крестьяне были забитые, крепостные – чуть ли не рабы, и якобы поголовно неграмотные. Во-первых, крепостных крестьян было около одной трети от общего количества крестьянских хозяйств. Например, Север, Сибирь, Дальний Восток Российской империи крепостного права не знали. А потом, были еще государственные крестьяне, и крестьянские хозяйства, принадлежащие церкви. Во-вторых, в XIX веке грамотных крестьян, - умеющих читать и писать, тоже было порядочно - около одной четверти. Это не учитывая тех, которые умели только читать. В-третьих, помещика-крепостника и подневольных крестьян регулировало около шестисот законов, указов, постановлений. Ведь в каждой общине были крестьяне, так называемые «ходоки» - выступающие от имени общины, которые в нормативных актах неплохо ориентировались, и регулярно информировали на сходках своих земляков.

- Никанорыч, где Вы черпаете такую информацию! – Изумился Федор.

- Я же говорил, что решил сам во всем разобраться. Достāju литературу для служебного пользования и даже под грифом «Секретно». Справедливости ради надо отметить, что видимо, иногда встречались помещики-самодуры, но их было абсолютное меньшинство – как исключение. С мнением высшего света, по теперешнему – общества, дворяне очень считались, у них было весьма развито чувство чести и личного достоинства, кстати, - у крестьян тоже. Честность у крестьян была на высоте. Русская деревня не знала, что значит запира́ть дом. В этом не было необходимости. Палка приставлена к двери, значит, дома никого нет.

К воспитанию и образованию своих детей дворяне относились весьма серьезно. Русские светские барыни в XIX веке были самые образованные в Европе. Считалось нормой знать несколько языков. Когда молодые люди или барышни путешествовали с родителями по Европе, языкового барьера никто из них не испытывали, ни в Англии, ни в Италии, ни в Испании. А французский язык они знали нередко лучше самих французов. Праздное поведение среди них, кроме летних месяцев, не поощрялось и даже презиралось. Среди сельских жителей до настоящего времени бытует мнение, что барыни ничего не делали, а только раздавали указания. Бывало,

моя мама увидит, что старшая дочь лентяйничает, говорила ей: «Ты чего расслаживаешь, как барыня!»! Но барыням расслаживать было некогда.

За разговорами они незаметно преодолели расстояние от центра села до «хутора». Из-за деревьев показался знакомый дом, на высоком крыльце которого стояла Павлина Карловна, скрестив руки на груди. У Федора невольно слетели слова:

- Ваша супруга своей статью похоже на царицу Софью, но царице далеко до изящества Павлины Карловны. Вот ведь какую яркую личность вы отыскали.

- Её поза сейчас означает, что она чем-то очень не довольна.

И действительно: еще не подошли они к дому, а Павлина Карловна возмущенно:

- Ну, ни какого сладу с малышкой, целый день не слезают с качелей, - пока не прогнала, и как у них голова кругом не пойдет!

- Зачем же прогонять, сами, придет время, уйдут, - не согласился супруг.

- Дык, прежде голову могут сломить, ведь качаются-то как высоко, снизу смотришь, и то дух захватывает! Надо бы перекладину к дереву еще крепче привязать.

- Так привязали же, мы с Вами говорили об этом, - поддержал супруга Федор.

- Чтоб не думалось, прикрутить бревно к стволу проволокой, - обращаясь уже к мужу, добавила она.

- Ременный гуж – самое надежное крепление, - заверил супруг. – Впрочем, пока не смеркалось совсем, мы сейчас с Федором заберемся, и проверим наше детище в работе, заодно изолируем перекладину от ствола.

Хозяин сразу же мимо крыльца направился во двор, вынес два лоскутка старого половика, два мотка проволоки, пассатижи с клещами и они направились к качелям.

- Перекладина постоянно соприкасается со стволом ели, – и мы смягчим нагрузку, - пояснил Никанорыч.

В который раз Федор отметил хозяйскую жилку Никанорыча, предусмотрел он все до мелочей: кусков половиков было два, проволоки тоже два небольших мотка. Детей на качелях действительно не было, слово Павлины Карловны в семье – закон, и не только для домочадцев и знакомых - тоже.

Вместо подростков перед ними предстала вечерняя идиллия: Лина с какой-то девушкой стояли на концах доски, держась за стропы, и раскачивали Владимира, а счастливый кавалер сидел посередине. На голове у него надета фуражка на бок, под ремешок которой были подоткнуты полевые цветы. Это походило на номер художественной самодеятельности. Обе девушки были в летних платьишках с крепенькими стройными ногами и смотрелись великолепно. Помимо того спутница Лины имела светлорусые

длинные волосы, белолицая, белокожая, казалось, тело её ещё не видело летнего солнца. По мере движения качелей, у подружек развивались длинные волосы, а легкие одежды облекали юные фигуры, что придавало эротичность и динамику увиденной картине. «Жаль - фотокамера осталась в Ярославле» - невольно подумалось Федору.

- Володя, ты здесь! Давай-ка дружок, одна нога здесь - другая там, - и он указал на вершину дерева. – А то супруга переживает за детишек. – Он объяснил Владимиру, почему и зачем надо лезть на вершину дерева. – Я хотел уж сам лезть с Федором, да вот ты под руку подвернулся.

Володя ногами притормозил качели и на ходу спрыгнул на землю. Федор помог девушкам «набрать ход», напутствуя им:

- Качайтесь, - вы нам не мешаете, более того, наверху мы посмотрим на наше сооружение в работе.

Прятели обвились половой дорожкой, подпоясали её проволокой, сунули в карман - один пассатижи, другой клещи, и уже привычным движением взялись за нижние сучья дерева и стали карабкаться вверх, благо, – нижние лапы были на уровне человеческого роста. Минуты через 2-3 Андрей Никанорович услышал голос Владимира:

- С моей стороны с поперечиной все в порядке, правда, кора дерева потерта в месте соприкосновения!

- У меня – тоже! – подтвердил Федор. – Валежина лежит на месте надежно и немного шевелится при движении качели.

- Вот и хорошо! – Крикнул им глава семейства. – С креплением все в порядке, - успокоил он подошедшую супругу, и стал останавливать качели. – Девушки, вы сойдите на землю, пока они там подкладывают под перекладину половик и прикручивают его к поперечине проволокой. А потом качайтесь хоть до утра.

Первая жертва в борьбе за урожай

На другой день горожан перебросили на другое запущенное поле, когда-то там были посеяны клевер и тимофеевка, а сейчас больше росло обыкновенной луговой травы, нежели культивированных кормов. Травы скошены тракторной косилкой слишком высоко, и самый густой слой растительности оставался на корню нетронутым. Валки скошенного сена были жиденькие и лежали со вчерашнего дня, потому высохли без предварительного ворошения, или как здесь говорят – «перевертывания».

Заводчане «всей аравой» быстро его сгребали в копны и вручную на носилках стаскивали к месту формирования стога. От скирды стог отличается, как известно, своим круглым сечением в основании. Работы шли хорошо и без излишней спешки: быстрее закончим - быстрее освободимся, да и возможный дождь подгонял. Кто поопытней, стали формировать (по местном – увьючить) стога, заложили их сразу три штуки. Народ само собой

разделился на три группы: одни сгребали в копны, другие подтаскивали сено к ближайшему стогу, третьи вилами на длинных ручках подавали наверх.

Федору в этот день не повезло, он был на верху стога - принимал сено. Один из подавальщиков по своей неопытности, уколол ему вилами руку повыше кисти. В целях соблюдения техники безопасности сельчане сена берут столько, чтоб острия вил не высовывались сквозь охапку наружу, и подают осторожно, а не толкают. Помимо того, у радивых хозяев острия вил затачиваются округло, тогда жало каждого рога не может ранить человека, принимающего сено на стогу. Ранка у Федора была неглубокая, но из-за повреждения кровеносного сосуда, сильно кровоточила. Кто-то принес пострадавшему подорожник, Федор наложил его, но кровь продолжала течь, и ему пришлось отправиться в село, благо, поле находилось невдалеке от усадьбы.

При возвращении на «хутор» в неурочное время, да еще с окровавленной рукой, он встретил Павлину Карловну, та охнула:

- А ну, подожди!

Она проворно потрусилась в дом, вынесла настойку ёда, бинт, вату, но протерев рану, успокоилась.

- Слава Богу, - ранка небольшая, и вроде, неглубокая.

Она скрутила жгутиком вату, смочила ёдом, несколько раз обвела вокруг ранки, делая перевязку споро и без суеты, будто лечение было её специальностью. И, посмотрев на него своими чарующими глазами, просто сказала:

- Терпи казак – атаманом станешь!

Она, бинтуя руку, наклонилась вперед, и кисть руки Федора уперлась ей между грудей, чуть распахнув, сверху легкую кофточку. В щелке показалась основание молочно-белой груди. Павлина Карловна одной рукой придерживала локоть Федора, другой – накладывала бинт. Время от времени она свои руки меняла, и это прикосновение ему было приятно. Пациент представил свою докторшу, идущую тогда к пруду, уже с теперешнего - близкого расстояния, и у него перехватило дыхание. От Павлины Карловны излучалась какая-то энергетика, около её, видимо, мужчины невольно испытывали волнение.

- Тебе не больно, может бинт сделать послабее?

- Все нормально, спасибо, - отводя взгляд, сказал Федор.

- Сожми кисть несколько раз – удобно?

- Да, - спасибо.

- Значит ранка неглубокая. Перепоручаю тебя дочке Юле, - у нее свои лекарства.

- Откуда же у неё в таком возрасте медицинские познания?

- У нас это в роду, от бабушки. Они с ней, и Лина с ними, знают, когда и какую траву заготовить впрок и использовать. Мама и мне кое-что по этой части передала.

- Так, это хорошо! Из них настоящие доктора получатся.
- Уж не знаю, что из них получится, вот Лина поступала в этом году в медицинский институт и не добрала баллов.
- В наш – Ярославский институт?
- Да, - в наш.
- Как же так получилось, это не справедливо.
- Одному Богу известно, что у нас справедливо, - отозвалась Павлина Карловна.

На лесную опушку – за лечебными травами

От хозяйского дома Федор направился к садовому домику и увидел возле качелей разноцветную стайку девочек. Юля, заметив Федора с забинтованной рукой, еще издали громко спросила:

- Кто тебя поранил?
- Да, так слегка на сенокосе.

Она подошла к нему:

- А кто руку бинтовал?
- Твоя мама.
- Я теперь каждый день буду тебя лечить: утром и вечером!
- Чем же ты собираешься меня лечить с утра и до вечера? – И Федор здоровой рукой обнял её за плечи.
- Смотри, какая ранка.
- И с каких же лет ты занимаешься лечением?
- Всю жизнь! Мы втроем, иногда вчетвером с мамой, собираем полезные травы и готовим лекарства. Нашу бабушку целительницей на селе зовут. Хочешь, я тебе покажу самые полезные травы? – Выпалила она экспромтом, окинув его своим ясным взглядом.
- Конечно, хочу.
- Прямо - сейчас?!
- Почему бы нет! Сегодня я все равно не работник, чего откладывать.
- Кто со мной сейчас в лес пойдет?! – крикнула она, обращаясь к своим подружкам.

Девочки что-то стали обсуждать между собой, потом двое из них отделились и направились к Юле с Федором, это были её подружки, которых он видел на дне рождения.

- Может, одновременно будем и собирать травы? – Предложил Федор.
- Ага! – охотно согласилась Юлька, - Я принесу кузовок.

Кузовок из бересты оказался вместительным и внутри поделен на восемь отделений лучеобразной перегородкой из дранки.

- Давайте мне кузовок – я буду у вас носильщиком. Восемь отделений, значит, здесь для каждого вида травки свое место? – Осведомился Федор.
- Ну да! И чтоб не перепутать похожие листочки, - отреагировала Юля.

- Растения можно перепутать и в лесу?

- Не-ет! В лесу мы видим растение полностью, а похожих растений не быва-а-ает! – Назидательно ответила она.

- Ладно, допустим, а где мы будем эти травки собирать?

- Подальше от большой дороги.

- Подальше, это километров пять? - Пошутил Федор.

- Да, нет! Бабушка говорит – около километра.

- Вот и чудесно, будем идти, любоваться красивыми местами, и там же вы будите меня знакомить с целебными растениями. А, прежде всего, познакомь меня с другими юными целительницами, а то, они идут и молчат.

- Дык, ты знакомился, - уже забыл?

- Ну, тогда столько людей было, - перепутал. Помню - Даша была. Или она осталась у качели? – Слукавил Федор.

- Я – Даша, - заразительно рассмеялась белобрысая девочка.

- А-а, у нее на твоём дне рождения были светлые волосы, белесые брови и ресницы, даже платье было светлое в цветочек, от того загар на лице, шее, руках казался совсем темный, и я подумал: «Откуда у нас негритянка взялась!»

- Дык, и сейчас такие же, девочки, да, он прикидывается над нами! – Догадалась Юля.

- Тогда с русыми косичками может быть только Таня?

- Вот и нет! – Прыснула со смеху девочка.

- Верой зовут, - сказала Даша. – И правда прикидывается.

- Знать только имя – мало. Мы же все разные: одни разговорчивые, другие молчаливые, третьи – веселые, четвертые – серьезные. Вот Юлю я более-менее знаю, остальных же видел всего два-три раза. Есть такая игра – отгадывать характеры. А хотите - попробую определить ваши характеры по внешнему виду, говорят лицо – зеркало души?

- Не лицо, а глаза – зеркало души, - не согласилась Юля.

- Хотим, хотим! – Загалдели девочки, - они встали перед Федором, повернувшись к нему лицом.

- С кого начнем? За точность на 100% не ручаюсь, но приблизительно обязательно скажу.

- С меня! - С вызовом сказала Даша.

- Так...- Он посмотрел на девочку «во весь рост», потом стал вглядываться в лицо: - У тебя веселый нрав! Ты... подвижна – любишь побегать, попрыгать, потанцевать!.. – Федор говорил медленно и переводил взгляд то на Юлино, то на Верино лицо. – Ты - девочка сообразительная... – Хорошо учишься!.. Бойкая, можешь за себя постоять, даже перед мальчишками!.. У тебя открытый прямодушный характер... Не умеешь долго сердиться!.. Трудолюбива!.. – Часто помогаешь маме по хозяйству... Настойчива!.. - Если убеждена, что права в чем-то... Ты – хорошая подруга,

не обманешь и не предашь близких людей!.. Еще раз утверждаю: ты - смелая девочка!

Под конец его теста девочка и вовсе зарделась. Но это была всего лишь игра, и Федор предупредил об этом. Не общаясь ранее, можно говорить только о самых общих наклонностях человека. Но Федору хотелось удивить девочек, он же видел, как она смело взмывала на качелях, как пела песни за столом – значит смелая. Трудолюбивая? Конечно! В нормальных сельских семьях все дети приучены к труду. Добродушие и другие качества у неё были написаны на лице, оно - лицо действительно было - «зеркало души». Помимо этого, перечисляя другие черты характера Даши, он все время поглядывал, как уже говорилось, на Юлю и Веру по принципу «горячо-холодно», если его слова соответствовали действительности, - это отражалось на их мордашках. А когда он спросил девочек:

- Правильно ли в общих чертах определил Дашин характер? – они с удивлением дружно согласились.

- А теперь о Вере скажи! – Уже более заинтересованно попросила Юля.

- Верочка, несколько другой человек. (У Веры на лице мгновенно отразилось молчаливое согласие). Очень хорошо, что все мы разные – ободрил он подружек, и (прежде всего Веру). Верочка по-своему прекрасный человек. (При этих словах девочка зарделась, как маковый цвет). Она менее открытая, но не менее доброжелательная!.. Она стеснительная, но не менее смелая!.. Она, возможно, менее раскрепощенная, но если надо – прямо скажет человеку, что о нем думает!.. В своей дружбе со сверстницами Вера будет верным другом на долгие годы!.. А когда она выучится на кого-нибудь, из неё получится прекрасный – вдумчивый и знающий свое дело специалист!.. Застенчивость – прекрасное качество, но иногда оно мешает в разных жизненных ситуациях и надо учиться его преодолевать. Имейте в виду, девочки, как уже говорил, я могу определить ваши черты характера очень приблизительно, могу даже ошибиться, то вы меня поправите.

- Нет – нет, – не ошибился! - запрыгали Юля с Дашей от восторга при молчаливом согласии Верочки.

Федор еще в начале игры интуитивно воспользовался одним из педагогических приемов: восхитил, а значит, заинтересовал детей таинством угадывания личности, а потом девочки, по сути, сами ему помогали.

- Еще раз говорю, девочки, не придавайте моим словам уж такого серьезного внимания, это всего лишь игра, - напомнил Федор.

- А раз игра и меня определи тоже! – Громко потребовала Юля.

- Давайте договоримся, когда я буду уезжать, я дам вам все троем характеристику, и скажу более точно, ведь тогда мы будем все хорошо знакомы. Договорились?

- А не забудешь?! – серьезно спросила Юля.

- Постараюсь, а если забуду - напомнишь! Но тогда я буду говорить не только о хороших, но и плохих чертах вашего характера! Ведь у каждого из нас есть недостатки. Идет!

- Идет! – хором согласились подружки.

- А меня-то отгадай! – напомнила Юля.

- Ну, тебя-то я лучше знаю, потому буду говорить о своих первых впечатлениях, хорошо!

- Аха! – «Выдохнула» Юля.

- Ты, очень подвижная девочка, я даже мысленно сравнил тебя с горным ручейком.

- Чем же горный ручей отличается от нашего? – Озадачилась Даша.

- Он более стремительный, переменчивый и переливается под южным солнцем, ведь течет он по кручам и камушкам - пояснил Федор. - Удивила твоя деловитость, внимательность и приветливость. Ты очень добрая девочка и любознательная, такой и оставайся. Остальное скажу перед отъездом, хорошо?

- Аха... - Опять «выдохнула» польщенная Юля.

- А пока шагаем до места сбора трав, я не только лучше познакомлюсь с каждой из Вас, но и многие целебные растения знать буду. Можно и подальше уйти.

- Почему подальше и километра хватит! – поправила Юля.

- Пока идём далеко - будет темно, а до вечера мы должны быть дома, - твердо сказала Вера.

- Значит, до темноты мы должны вернуться, иначе мне от ваших родителей попадет, ведь среди вас я самый взрослый, мне и отвечать, придется вернуться пешком или заказывать вертолет.

- На вертолете нам нельзя – родители не разрешат, - отозвалась Даша.

- Он же полетит низко, над самыми деревьями, а вы над лесом еще не летали, не видели деревья сверху, как их птицы видят! Ох, как необычен и красив лес! Мы же его в таком ракурсе видеть не можем. Над гнездами полетим, в одних гнездах увидим птенцов, в других - яички, они же по цвету у каждого вида птиц разные!

- А ты летал на вертолете? – Поинтересовалась Юля, заподозрив, что Федор опять разыгрывает подруг.

- Летал. Первый раз я летел по берегу Черного моря до аэропорта «Адлер» сто двадцать километров.

- Не страшно первый раз было? – спросила Даша.

- Нет, но любопытно очень! Вертолет летел низко. Сверху все видится по-другому. Если плывут кто-то на лодке, то за ними тянется белый шлейф - это пузырьки. Даже если плывет человек – тоже белый шлейф, будто за кометой. С земли-то мы этого не замечаем.

- Ты и на самолете летал? - Не отставала Юля.

- Много раз.

- На больших или на маленьких?

- На всяких.

- Интересней с каких - глядеть на землю?

- С маленьких, есть такие, у которых параллельно два передних крыла.

– Для наглядности Федор пальцем здоровой руки нарисовал на дороге схему самолета. - Они летают низко, проплывает внизу, например, деревня, видно как стадо коров пасется, гуси на пруде плавают, человек идет, а за ним собака бежит.

- Ну, эти самолеты еще этажерками зовут, - уточнила Юля.

- Да, так прозвали. А вот с больших самолетов, - их лайнерами зовут, можно увидеть только большие дома, города, поля, реки, дороги. Они обычно летят на высоте около десяти километров - и ни людей, ни животных не увидишь. Лайнеры летают по маршрутам, когда между городами большие расстояния .

- А в какие города ты летал? – Юля почему-то с самого начала так и зовет Федора на «ты».

- Во многие, например, самые дальние: Петропавловск-Камчатский, Владивосток, Хабаровск. Долго летишь часов 10-12 через всю нашу огромную страну. Ведь до Камчатки более десяти тысяч километров.

- Скажи, чем эти города отличаются от Москвы и Ярославля?- продолжала интересоваться Юля.

- А ты была в Москве и Ярославле?!

- Была с папой и не один раз! – С гордостью выпалила Юля.

- Хорошо, что ты такая любознательная! Каждый город чем-то не похож на Москву и Ярославль. Владивосток расположен на берегу моря, местность горная – улицы идут то вверх, то вниз. В город вклинивается залив, называется «Золотой рог». Вечером огни города отражаются в воде и смотрятся очень красиво. Петропавловск-Камчатский тоже стоит на берегу моря, а вокруг его всюду видны сопки большие и малые. Сопки – это невысокие остроконечные горы. Каждый город, если так можно выразиться, имеет свое «лицо». Ведь ваше село не похоже на соседнее, вроде и дома такие же, да не совсем, и речка около села не такая, а уж ваш собор – красавец и вовсе не такой.

- И в Нарьян-Маре был?

- Был один раз. Вынырнул наш самолет из облаков для посадки, а вокруг города кое-где еще снег лежит, хотя было в середине июня месяца. А почему ты про Нарьян-Мар спросила?

- Потому что про него песню поют:

«Нарьян-Мар, Нарьян-Мар,
Городок не большой и не мал»....

Везде ты побывал! Я тоже хочу побывать во многих местах и за границу съездить, там, говорят, тоже красиво.

- Много красивых мест на земле, но наша Родина никому не уступит по красоте, а по разнообразию природы превосходит многие страны.

- А ты в армии служил или увильнул? – Задавая вопросы, Юлька смотрит снизу вверх «глаза в глаза» своими ясными широко распахнутыми глазенками, при огромных ресницах они кажутся еще больше, а ресницы при взгляде немного вздрагивают.

- Служил, как и все, у меня, моих товарищей и мыслей таких не было «увильнуть». И откуда у тебя взялось такое гадкое словечко – «увильнуть от армии»?

- Мама как-то разговаривали с папой, что Пашка из нашего села хотел от армии увильнуть.

- Каждый парень должен послужить в армии. Он станет физически более развитым, его научат обращаться с оружием, станет настоящим мужчиной, защитником Отечества.

- Правильно, ты послужил и хватит. А мой брат приедет в отпуск и опять уезжает в армию, вот дурачок! Мы же по нему скучаем.

- Юля! Твой брат – офицер и должен отслужить не менее двадцати пяти лет. Это его специальность служить в армии. Как, допустим, твой отец работает в совхозе заместителем управляющего, или слесарь работает на заводе – это его место работы. Мы об этом уже говорили с тобой.

- Я хочу, чтобы он жил с нами. А то Танька - его жена, приедет с ним в отпуск и воображает из себя. Кончила десять классов и коридор и туда же!

- Юля?! Это тоже не твои слова.

- Не мои, а вот чьи – не скажу!

- Говорить и не надо. Но повторять злые сплетни тоже не стоит, о каждом человеке имей своё личное мнение. Договорились? – И Федор, шагая рядом, притянул к себе девочку, а Юлька, доверительно взглянув ему в глаза, предложила:

- Может, начнем траву собирать? Километр мы уже отшагали. Пошли вдоль опушки леса.

- Вот подорожник – рвите, а вон кустик зверобоя цветет, - других лекарственных трав, наверное, я и не знаю, - проявил инициативу Федор.

- Ни подорожника, ни зверобоя нам не надо - уже насобирали! - Отрезала Юля. – Увидишь, какие растения мы будем приносить, такие и ты ищи.

- Слушаюсь, пани Юля, скорей давайте мне образцы. Перечисли, что искать-то надо, вдруг мне еще какие-то травки знакомы.

- Перечисляю: ладанку надо, в книгах ее «душицей» зовут, с лилово-розовыми цветками и приятно пахнет. Красноголовик, по-книжному – «кровохлебка лекарственная», соцветия у нее как у метлики, только на много короче. Мать-и-мачеха с большими округлыми листьями, за это её зовут у нас «конское копыто». Подальше пройдем - на опушке всем известный можжевельник растет, ягоды, наверное, уже спели, надо их насобирать

стакана два. Пастушью сумку с такими мелкими листьями давно пора собирать. Лесную землянику тоже все знают, листья надо отрывать осторожно, чтоб не выдернуть со стеблем. Кошачьи лапки еще зовут «бессмертником», надо срезать все растение. Вот Вера и Даша знают эти травы, если будут рядом - подскажут.

- Знаю землянику, можжевельник, мать-и-мачеху. Остальные растения покажите, когда образцы принесете. А потом Юля, ты, вроде, семь видов назвала, у нас же в кузовке восемь отделений?

- Восемь же! - Опять ты нас разыгрываешь! - Юля по пальцам стала перечислять растения вслух... - И, правда, – семь. Восьмым будет «валериана аптечная», в обиходе - «маун», она, вон там - в низине растет...

Юлькины тайны

Вернулись на «хутор» сборщики трав на склоне дня - солнце уже близилось к горизонту. Даша с Верой сразу же побежали на качели. Когда они остались вдвоем, Юля доверительно сообщила Федору:

- Хочешь, я тебе гнездо дрозда покажу?

- Покажи, но у тебя такой заговорческий вид: своим подружкам не доверяешь что ли?

- Доверяю, но не имею права показывать.

- Не понял!

- Гнездо мне папа показал. А он обычно говорит, что секреты, доверенные тебе кем-то другим, нельзя пересказывать без ведома того, кто доверил тайну, иначе это будет сплетня.

- Получается и мне нельзя показывать.

- Можно, - я у папы спросила.

- Ай, да отец, какая порядочность, гордись своими родителями, но я не улавливаю связи между словами отца и дроздовыми тайнами?

- Не могу же я дрозда спросить о тайне, ведь где находится гнездо – это и его тайна.

Федор невольно улыбнулся, смышленная девочка заметила его улыбку и надула губки. Чтобы замаять свою оплошность, Федор забыл про всякую педагогику, схватил Юлю под мышки и поднял на вытянутых руках.

- Какая же ты Юля прелесть, вот и будь всегда такой - честной и доброй! – И поставив её на землю, нетерпеливо спросил: - Ну, показывай быстрее своё таинство, и дроздовое – тоже!

Пока они шли вдоль лесополосы, у Федора невольно возникла мысль: «Юля выдает ему сокровенную тайну и надо быть достойным доверия этой чистой детской души. Она еще ребенок и невдомёк ей эта обратная связь».

Гнездо находилось на высоте человеческого роста и вытянутой руки в развилке рябины, под пологом огромной ели. На ощупь Федор понял, что в гнезде уже почти оперившиеся птенцы. По строению и состоянию гнезда он

так же определил, что это вторая кладка певчего дрозда. Видимо его песню он слышал перед закатом солнца в день Юлиного рождения. Федор проявлял интерес к птицам с детства. Его завораживало их пение, красота полета, разнообразие видов. И вообще дар всех птиц парить в воздухе, чего человеку не было дано. Сейчас удобный момент отблагодарить подростка, расширить кругозор любознательной девочки, и он спросил:

- Как ты думаешь, какой именно дрозд свил гнездо?

- Дрозд, каких много, - потупилась девочка.

- Прежде всего, давай уйдем отсюда, а то сейчас родители прилетят птенцов кормить и, увидев нас, будут волноваться. Так вот, Юля, в наших местах пять видов дроздов, вообще-то видов на земле гораздо больше, а в центральных областях европейской части: певчий дрозд, белобровик, деряба, рябинник и черный дрозд. Если тебе интересно, я расскажу о каждом виде, и у тебя отложится на всю жизнь. А в школе, да и в институте на этот вопрос ты ответишь на «отлично». Ведь ты, возможно, захочешь стать биологом.

- Прямо сейчас расскажешь?!

- Прямо сейчас. Мы нашли гнездо певчего дрозда. У него стенки тоньше, чем у других дроздов и изнутри отщипкатурены грунтом и отполированы до блеска. Песня у него самая красивая из всех наших дроздов. Именно его я слышал в раскрытое окно в твой день рождения.

- А, я, почему-то, не слышала?

- Слышала, но не обратила внимания, потому что его песня тебе не знакома. Когда научишься отличать песни конкретных лесных певцов, то будешь выделять их из общего птичьего хора. Ведь если люди говорят на иностранном языке, ты же их не понимаешь, так и с языком птиц происходит. А когда станешь выделять голос каждого вида, пойдешь по лесу, и у тебя сложится впечатление, что все птицы поют лично для тебя. Запел чуть грустную флейтовую трель певчий дрозд, ему подтянул деряба и черный дрозд, потом их поддержал белобровик, и даже рябинник своим скромным голоском помог. Лучше всего они поют на вечерней заре. Прислушаешься внимательно, а в хор дроздов уже вклинилась малиновка своим нежным голоском, потом соловей своей звучной и красивой песенкой возглавил хор пернатых, затем другие лесные певцы запели, и зазвучала настоящая птичья симфония. А ты идешь и как будто руководитель оркестра слушаешь хор в целом, и в отдельности каждого исполнителя. Попробуй представить: ты стоишь на опушке леса, а до тебя доносятся десятки голосов, - птицы поют свой весенний гимн.

- Дык вначале я должна отличать их по внешнему виду?

- Правильно, но можно и одновременно узнавать. Например, пойдете с педагогом в лес, сидит на веточке и распевает зяблик. Эти птички доверчивы и подпускают к себе близко. И ты его сразу услышишь и увидишь.

- В лес нас очень редко водят, - с сожалением поведала девочка.

- Тогда пусть родители купят тебе книгу о наших птицах, да и в библиотеке можешь взять и не одну. Ты окунешься в иной мир, многообразный и очень интересный. Но это первый шаг к познанию языка живой природы, после тебе захочется понимать и зверей. Они по-своему выражают свои желания. Тебе никогда не приходилось слушать вой стаи волков?

- Нет, здесь волки и не водятся.

- Воют они по ночам, обычно зимой. Когда доносится их «песня» - по коже мороз идет.

- Да, ну! Я обязательно где-нибудь с папой послушаю, хотя бы записанные на магнитофоне.

- Весной, даже ежик поет своей подружке, но его услышать мало кому удастся, он же по своей сути - отшельник.

- В завершение настанет черед познания звучания деревьев. Это более тонкий процесс. Травы и многие растения ты уже различаешь, теперь пора познавать тайну лесной жизни в целом. Тогда девочка Юля далеко опередит своё поколение, ибо будет знать пласт жизни, который для большинства людей остается до сего времени за семью печатями.

- Что значит «за семью печатями?»

- Т.е. по какой-то причине недоступно изучение данного явления.

- Кто же мешает им познавать, - удивилась Юля.

- Не хватает любознательности, кругозора, трудолюбия (обыкновенная человеческая лень), в итоге – недостаток воспитания переходит в ущербность культуры людей.

- Да, не говори ты такие слова, «ущербность культуры», я их не совсем понимаю!

- Извини девочка, но и я же не педагог. Как бы выразиться проще: от воспитания и количества знаний люди становятся более культурными.

- А я думала: быть культурным, значит - модно одеваться.

- И это в том числе. Ты иногда посматривай значение слов в словаре, очень увлекательное занятие.

- Аха, но мы обычно учительницу спрашиваем.

- Многие еще и не знают, особенно дети, что, люди научились понимать, любить и исполнять музыку благодаря песням птиц и других звуков в природе. Ведь пернатые появились на земле гораздо раньше человека, и не на сотни или тысячи, а на миллионы лет. На заре человеческой цивилизации, когда люди вели еще примитивный образ существования, жили в пещерах, а птицы были точно такими же, какие они есть в настоящее время.

Юля – слушатель была благодарный, стояла, будто замороженная, как могут слушать только дети. Её ясны глазенки, буквально, впились в Федора, а выражение лица то и дело менялось - серьезное внимание переходило в удивление, в грусть, в радость, и даже неверие... Дисгармония цветовой

гаммы детской головки: светлые волосы, загорелое личико, темные брови, глаза и ресницы придавали её лицу особенно любопытное выражение.

- Извини, я отвлекся, ведь сейчас у нас конкретная тема – дрозды. Черный дрозд сравнительно редок в центральных областях, его много на Юге, и Западе страны. А вот остальные четыре вида расселились на огромном пространстве нашей державы от западной границы и далеко за Урал, почти по всей Западной Сибири. Потому, эти птицы самые российские жители, ибо больше всего их в центральных областях. А вообще-то у нас, особенно на Востоке страны, более десятка разных видов дроздов: синий, каменный, белогрудый, сизый, сибирский, малый, пестрый или земляной дрозд, да всех и не припомнишь.

Они шли вдоль лесной полосы, а мимо пролетали или сидели на ветках и не очень боялись людей (здесь никто птиц не пугал), почти все виды местных дроздов. Федор указывал приметы, отличающие одного вида от другого, ведь они так похожи друг на друга. Называл их общие свойства и отдельные повадки.

- Обрати внимание, Юля, на поведение птиц возле своих гнезд, когда они подлетают к своим чадам с кормом в клюве: летят тихо, крылышками машут часто-часто, будто купаются в воздухе, видимо, это занятие приносит пернатым родителям большое удовольствие.

Девочка цепко схватывала информацию, по ходу разговора задавала вопросы. Они подошли к качелям, сели на лавочку, сделанную отцом только сегодня. Юля продолжала задавать вопросы, в том числе на главную сегодня для неё тему: какие предметы изучают будущие биологи.

- Мне лечить людей нравится, растения разные люблю, птиц, зверей, букашек разных обожаю. Вера как-то раздавила пчелу, так мы с ней из-за этого разругались. Я ей говорю: зачем ты это сделала. А она: а вдруг она меня ужалит. Просто так пчела никогда не ужалит, а вот ты человек и не за что её убила. Я даже хотела с ней раздружиться, но она повинилась. У пчелы тоже жизнь одна и такая короткая, а она еще укоротила, - скороговоркой сообщала она Федору. - А еще интересно быть агрономом. Я другой раз с папой поеду. Он смотрит: все ли хорошо растет и мне тоже очень интересно. Вроде недавно рожь была похожа на обыкновенную траву, и вдруг – уже в человеческий рост и появился колос, а поверх колоса выкинула усы, как антенны, - взახлеб, почти без смысловых ударений продолжала Юля, вскидывая на Федора свои, еще совсем детские глаза. – Вот ласточки летают низко - к дождю, если высоко – к ведру. Я папу спрашиваю: ласточки знают, а люди не знают, а знали бы колхозники - у них сено не замочило бы. А папа мне отвечает: это не ласточки, а насекомые знают. Ласточки их просто ловят там, где много насекомых. Разве не интересно, насекомые знают, а люди считают себя у-ум-ны-ми пре-у-умны-ми и не знают. Я другой раз думаю, где же ночуют эти ласточки, когда выведут птенцов и покинут гнезда? Кого ни спрошу, – не знают. Учитель по биологии и та не знает. Большие птицы на

ветвях сидят и спят, но ласточки на деревья почти не садятся. Или такой вопрос! Я один раз прочитала, что болотная курочка прибегает весной в наши края из теплых стран пешком. Как она в траве видит куда бежать? Она же не может спросить у людей дорогу. Учительница по биологии, говорит, что она ориентируется по звездам. Говорю училке: по звездам на то же самое болото не прибежишь. Она только пожала плечами. Однажды мы пошли в лес....

По-детски разбросанные мысли поражали своей глубиной. Федор смотрел в темные Юлькины глаза и удивлялся многими задатками девочки. Помоги Господи её родителям направить их в нужном направлении. Все может закончиться на взлете. Влюбится в старших классах в мота-выпивоху и всю энергию направит на бесполезную борьбу с пьянью. В слух он сказал:

- Выбор профессии в жизни чрезвычайно важен, не любимая работа – принудилка, а любимая - праздник. Но тебе, похоже, это не грозит. Потом, у тебя еще впереди столько времени, которое, будем надеяться, твои мысли и мечты расставит по своим местам. Не зря же говорят: «Время лучший советчик». А по какой специальности работать, выводы сделаешь сама. А пока интересуйся всем, что тебя влечет, занимайся спортивными играми, танцами, музыкой, пением – во всем надо попробовать себя.

Федор хотел сказать, бери пример с подруг, рано тебе об этом думать, но воздержался (он же не педагог), может, у нее все по-другому будет складываться, ведь девочка и, правда, неординарная. Она же не чурается детских игр и прочего досуга, даже во всем заводила. Потому он сказал девочке:

- Иди к своим подругам, они тебя заждались, а я вам помогу раскататься.

- Аха! - С готовностью согласилась девочка, и побежала к качелям, на бегу делая какие-то боковые «па», наподобие танца «Молдаванески», и уже подбегая к качелям, обернулась к Федору: – Плетенку с травами бабушке отдай, а мы и сами раскатаемся.

Три поколения

Направляясь к жилью, Федор около дома увидел на лавочке сразу три поколения: миловидная бабушка, её красавица дочь – хозяйка дома, и не менее миловидное юное создание - внучка Лина. Видя их рядом, невольно бросалась в глаза их удивительная похожесть. Различала лишь разница в возрасте и шарм горожанки в облике Арины Дмитриевны. Видимо, бабушка и в молодости не имела таких пышных форм. Что не говори, а жизнь в городе и деревне накладывает свой отпечаток на облик человека, - физический и моральный.

- Так, так! - Вместо приветствия встретила его Арина Дмитриевна. - Значит, в «битве за сенокос» появились свои пострадавшие. А вот мы сидим

и на закат любимся, дай Бог, завтра опять будет ведро. Да Вы, никак грибов набрали?!

- Вместо грибов могу вас порадовать лишь лекарственными травками, которые мы насобирали вчетвером под руководством Вашей внучки.

- Так она и Вас впрягла в это дело, - весело отозвалась Павлина Карловна. – То ли еще будет, когда поближе познакомитесь!

- Юля занятая девчужка, в разговоре все схватывает на лету, не по годам рассудительна, натура увлеченная, и энергии на троих хватит. Знает названия трав, различает дикие цветы, некоторые виды птиц, с завидным любопытством относится к окружающей природе. Медицина, биология, ботаника, агрономия, художественная самодеятельность, - все нравится, обо всем говорит горячо и с неподдельным интересом. Вы-то, может, к ней уже пригляделись, а мне все впервые: потому и дивлюсь ею. Чтобы не пошла у неё жизнь в разброс, может увлеченность девочки направлять в определенное русло, - заключил Федор.

- Присаживайтесь к нам. Зачем же так серьезно, Феденька, она еще ребенок. Со временем все встанет по местам, пусть радуется жизни во всех её проявлениях, будет взрослее - второстепенное отсеется, - по-доброму, чуть снисходительно рассудила Арина Дмитриевна.

- Вы так думаете? Вы педагог, вам видней. Но к чему у нее душа лежит, пусть раньше она поймет, так лучше. И взрослые исподволь ненавязчиво должны девочке помочь. Например, моя племянница в четвертом классе твердо решила: её призвание – медицина. Будучи школьницей, еще младших классов, могла сделать укол любой сложности. В прошлом году с первого раза поступила в медицинский институт, хотя девушек на приемных экзаменах, по известной причине, под разными предложениями отсеивают.

- В классе седьмом-восьмом, возможно, и наша определится, - отреагировала Арина Дмитриевна. – А не навязчиво мы помогаем.

Павлина Карловна слушала внимательно, но молчала, материнский такт, видимо, удерживал её от разговоров о своих чадах, а, может, на этот счет у неё было свое мнение. Привычка хозяйки дома молчать и внимательно слушать других, несколько смущала Федора, будто ей ведомо в жизни то, чего не доступно другим. Он продолжал сидеть с плетенкой на коленях и, вспомнив, спросил:

- Что же вы будите делать с этим добром? – Федор кивнул на плетенку.

- Внучки знают что делать, я им лишь иногда подсказываю. Лина, прими корзинку у молодого человека.

- Значит, Ваши подсказки и есть то направление, чем внучкам надо в жизни заниматься? - улыбнулся Федор.

- Это было бы не педагогично с моей стороны, - можно детей сбить с толку. Я подсказываю, что знаю и что им интересно, а выбирать любимое дело должны они, свободно и без нажима.

- Просто и мудро, вот что значит интеллигенция старой закваски, - добавил Федор.

- Я уже не той закваски, но училась у педагогов с дореволюционным стажем.

- Но вы знакомы были не только с педагогами и с другими образованными людьми, чем же царская интеллигенция отличается от советских коллег?

- Отличалась, особенно от теперешних молодых, да ранних. Плохо сказывается на качестве образования в наше время и тот факт, что получают высшее образование больше людей, чем надо обществу. В результате выпускники, например, Ярославского педагогического института часто работают не по своей специальности, чем обесценивают звание педагога. Я уж не говорю о нищенской зарплате учителей. А они в какой-то степени инженеры человеческих душ – формируют будущего человека. Раньше учитель идет по улице, на его смотрят, как на личность и образец для подражания. Потому педагог чувствовал ответственность и значимость своей работы.

- Поразительно! – прервал Федор монолог собеседницы.

- Что поразительно?

- О фундаментальных понятиях Вы говорите просто и понятно и, главное, все соответствует истине. Что же наши вожди не додумались до этого при формировании так называемого «нового советского человека», ведь Крупская имела педагогическое образование.

- По-моему, в своих теориях построения «передового общества» они основательно запутались.

При этих словах Павлина Карловна толкнула мать плечом и неожиданно громко рассмеялась.

- Но мы отклонились, - продолжала Арина Дмитриевна, - Я все-таки хочу закончить свою мысль. Качественно советское обучение тоже отличается. Образование в царской России было самое лучшее в мире. И выдавало обществу специалистов с большой буквы. Что сейчас редко наблюдается. Моральные начала у старой гвардии тоже другие: тогда были люди высокой чести и личного достоинства. Сейчас в большинстве своем интеллигенция бесхребетная. Помимо не очень высокой квалификации, наблюдается беспринципность, карьеризм, а карьеризм в его плохом смысле, – тоже беспринципность. Именно советская интеллигенция позволила затопить огромные территории нашей области под так называемое «Рыбинское водохранилище», и много других бед натворила.

- Не они же решали: строить или не строить гидроузел.

- Но они давали рекомендации. И как спецы, были не на высоте: затопить-то территорию можно было в три-четыре раза меньше, а лучше вообще бы ничего не строить. Затопить старинный город Мологу, - Господи, прости их грешных и неразумных. А сколько первоклассного леса загублено,

какие дубовые рощи там росли, огромные площади полей с плодородными почвами, и все ушло на дно!

- Ох, совсем Вы нас захаяли! – не выдержал Федор.

- Еще не совсем! Одно качество чуть не опустила, присущее старой интеллигенции: чувство общественной пользы. Есть это качество и у теперешней интеллигенции, но, к сожалению, у немногих. Не обижайтесь, Вы задали вопрос - я ответила.

- Мам, ты и правда сгущаешь краски, - поддержала Федора Павлина Карловна.

- Хороших специалистов и просто людей, конечно же много, но не большинство. Вы – присутствующие, слава Богу, являетесь исключением, потому я с вами и говорю открыто. Но я ничего не сгустила, это мое твердое мнение

Федор взглянул на Лину, как бы ища поддержки: та, как всегда молча, сделала удивленные глаза и лишь развела ладошками

- Допустим, дочь свою Вы знаете с пеленок, Лину – тоже, но я не потяну на интеллектуала, да и знаете Вы нас с Владимиром пару недель.

- Сами говорите, что я педагог старой закваски. О людях мнение надо слагать по их поступкам, включая пустяковые, да и лица ваши кое-что говорят.

- Ну, мама, ты у нас прямо-таки колдунья, - при этих словах дочь обняла родительницу за плечи и, по-доброму посмотрев на собеседницу, положила ей голову на плечо.

- Не зря на селе-то говорят, - нарушила свое молчанье Лина.

- И что же говорят? - Встрепенулась бабушка.

- Что ты целительница-колдунья!

- Глупости говорят. Плохие, да неблагодарные люди подобное могут сказать, впрочем, это одно и то же.

- Бабаня, «плохие и неблагодарные» - эти слова не синонимы, - поправила внучка.

- В жизни – синонимы. Неблагодарность признак негожего человека, но это только верхушка айсберга, а все плохое до времени скрыто. Зарубите себе на будущее молодые люди.

- Эх, мне бы Вашу прозорливость, сколько бы глупостей можно избежать в жизни, - грустно отозвался Федор.

- Глупые поступки всем нам свойственны, даже Великий Лев Толстой много раз говорил о своих неразумных поступках. А его теория «Не противление злу усилием» – разве не глупость. У детей на то и родители рядом, чтобы во время удержать свое чадо от ненужного поведения, - отреагировала Арина Дмитриевна.

- Так не у всех советчики рядом. Жалею, что не знаком был со всеми вами раньше, возможно и жизнь моя сложилась по-другому. Вот смотрю на

всех вас, и сердце радуется: прямо идеальная, какая-та райская семья, столько положительных примеров для подражания.

При последних словах Павлина Карловна приняла прежнюю позу и внимательно посмотрела на Федора, а её мать сменила беззаботный разговор - на серьезный тон:

- Феденька, если ты так уважительно относишься к нам - поделись, может что-то можно будет исправить, посоветовать. Не беспокойся, из нашей семьи никакие ваши секреты не утекут, все останется между нами, и тебя мы просим о том же самом на будущее. Ты извини, что я на «ты», мне можно по возрасту.

- Что Вы, мне наоборот приятно. «Вы» – слово вежливое, но и официальное, казенное что ли. А советовать теперь уже поздно, «что сгорело – того не подожжёшь».

- По-моему, у тебя жизнь складывается удачно. Что же не так?

- Например, специальность выбрана не совсем удачно. Не смог во время сорентироваться. Способности у человека быстрее проявляются, если труд ему приятен. На любимую работу ходишь с удовольствием, и в карьерном росте все ладится. А то в жизни иногда любопытно получается: человек совершает ошибку, нередко из первой - почему-то вытекает вторая, а то и третья глупость. В жизни у каждого две главных составляющих – два кита: работа и личная жизнь.

- При этих словах Лина напряглась, что не ускользнуло от бабушки, она осторожно посмотрела на внуку, потом на Федора. Что-то подсказало Федору перевести тему разговора, и он спросил:

- Давно хотел узнать, почему все зовут Елизавету Линой, ведь Лизой бы надо называть?

- Мы сами иногда задаем себе этот вопрос, – улыбнулась Павлина Карловна. - Когда Елизавета была еще грудным ребенком, в нашем селе работала молодой специалист, еврейка по национальности, - общительная и очень добрый человек. Она почему-то звала дочку Линой, может, на свой национальный манер, и представьте себе, имя прижилось. Все село зовет Лизу Линой.

- Кстати, при сдаче экзаменов в институт ты как представлялась? - Живо спросила бабушка внуку.

- Бабаня! – Укоризненно произнесла девушка, - Конечно - Елизаветой.

- Может, ты излишне волновалась на экзаменах? – Бабушка озабоченно посмотрела на внуку.

- Да, нет...

- Возможно, надо что-то предпринять, пока не поздно. Именно из неё выйдет настоящий доктор, - вступился Федор и, помолчав, добавил: - Вот цена нашим приемным комиссиям. Кстати, почти все наши известные артисты, да и другие знаменитости, на первых приемных экзаменах почему-то срезались?

- Потому что в приемных комиссиях преобладают посредственности, - простодушно сказала Арина Дмитриевна. – Лина, может и правда, надо что-то предпринять.

- Ничего не надо делать, - спокойно, но твердо сказала девушка.

- Ей отец примерно тоже-самое сказал, но она категорически против, говорит: «На будущий год сдам не хуже никого», - укоризненно произнесла Павлина Карловна.

- Год терять неразумно, - не сдавался Федор. Поехали, попробуем, есть у меня один ход. Наш завод медицинскому институту много помогал и помогает через заместителя директора, кстати, тоже еврея, у него две дочки, и обе окончили этот институт. Нечего церемониться – истина-та на вашей стороне.

- А я, может, на следующий год буду поступать совсем в другой институт! - Лина порывисто встала и пошла в дом.

- Что же Вам мешает сделать попытку в другой институт в ближайшие дни? - Вдогонку спросил Федор, но ответа не получил.

- Бесполезно, Феденька, мы по-всякому пытались её убедить. Вот такая она у нас, - сказала бабушка.

- Такой надо быть в здоровом обществе. У евреев надо учиться достигать своей цели. У них очень развито чувство локтя - это самый корпоративный народ. Другое дело, если она действительно не уверена в своем выборе, - заключил Федор.

- Вот это-то и остановило нас от настойчивости советов, - сказала мать Лины. - А как Ваша рука?

- Нормально, завтра пойду сенокосными делами заниматься.

- Не рановато?

- Попытаюсь воздерживаться от физической работы.

Никанорыч о сокровенном

Вечером прибежала к Федору в садовый домик Юлька и с порога серьезно по-взрослому заявила:

- Счас я тебе перевязку буду делать, - сымай бинт! – И прервав попытку Федора самому его развязать, посоветовала: - Осторожнее, тебе же больно - давай я сама. Она небрезгливо, по-деловому осмотрела рану, открыла одну из баночек и тампоном нанесла темную мазь вокруг ранки. Другой мазью пропитала вату и наложила её на пораженное место и свежим бинтом стала бинтовать руку. Она нагнулась к Федору, и он невольно залюбовался по-детски нежными, правильными чертами Юлькиного лица, красивый овал которого заканчивался милым подбородком. И этот контраст темных глаз и светлых волос дополнял общую картину. «Вот вырастет, вот кому-то повезет...», - в который раз подумалось Федору, и он, возвращаясь к действительности, спросил:

- Чем же ты меня лечишь?

Юлька вскинула на него глаза, такие же глубинные, как у сестры и матери, качнула густыми ресницами и отрезала:

- Настоями на травах, - будто не знаешь! - И добавила, как бы извиняясь за резкость: - Тороплюсь я, Дашка просила мать полечить - на стекло она наступила. К тебе приду утром, наложу пластырь без бинта, чтоб не мешал двигать рукой. Она порывисто встала, попрощалась, чтоб выпорхнуть из помещения, в дверях с ней столкнулся отец:

- Ну, доктор, как себя чувствует больной?

- Хорошо пап, лучше ему завтра отдохнуть, а после завтра - на работу!
- по-деловому заключила Юля и скрылась за дверью.

- Вот из кого получится доктор, - восхитился Владимир. - Еще девчушка, а пришла с двумя видами мази, с чистым бинтом, набором ваты.

- У неё этих баночек-скляночек и бинтов целый шкаф, - снисходительно отреагировал Никанорыч. - Если бы доктор, а так - ветер в голове.

- Не такой уж ветер, для её возраста - поддержал приятеля Федор. - Для сравнения - вспомним, что мы с Вами могли в двенадцать лет. - И, переходя к уборочным делам, озабоченно спросил: - Чем же завтра заводчане будут заниматься?

- Тем же самым, - и они в подробностях обсудили предстоящий объем работ.

- Кстати, по прогнозу - завтра временами дождик, - сообщил Владимир.

- Да уж, хочешь рассмешить Всевышнего: расскажи ему о сенокосных планах. Словом, поступайте по обстановке. Меня с утра в райвоенкомат вызывают, буду здесь лишь часов в одиннадцать.

- Зачем, на переподготовку что ли? - Удивился Федор.

- Для переподготовки я уже староват. Думаю, хотят включить в комиссию по награждению ветеранов войны юбилейной медалью, - прошел такой слух. Ведь в следующем году круглая дата - 35 лет после окончания войны.

- Хоть у нас с Вами и был на эту тему разговор, я смотрю на Вас как на Божьего избранника: четыре года под пулями и через 34 года оставаться в расцвете лет. И энергии у Вас на троих.

- Ну, не все четыре года под пулями. Учеба в военном училище, для пополнения отводили не раз в тыл, потом - лечение в госпитале после ранений.

- Лечение - результат ранения, а значит, был в нескольких сантиметрах от смерти.

- Да, были удивительные случаи. Однажды при выходе из окружения мне удалось добыть верховую лошадь. Вдруг позади меня взрыв снаряда, - меня вместе с лошадью подбросило и опустило на землю. Оглядываюсь: почему мая лошадь сидит по-собачьи, а задних ног у бедняжки и нет -

оторвало! Лошадка прикрыла меня своим телом. Я же отделался лишь легкой контузией, да каблук у правого сапога оторвало.

- Невольно в свою судьбу поверишь! Никак не могу поставить себя на место человека на войне, ведь в каждую минуту тебя могут убить, и он это сознает? – сказал Владимир.

- Как бы тебе сказать? Вот учишься ездить ты на автомашине, особенно в первое время. От быстроты езды, да по нашим дорогам с двусторонним движением, а тут еще навстречу другая машина мчится в каком-то метре от твоей машины, - и новичку жутковато становится. Но со временем привыкаешь и чувствуешь себя более-менее спокойно. Так примерно и на войне. Однако солдату на фронте, как и водителю, не надо расслабляться. Ведь машина своеобразный снаряд, и за небрежность приходится жестоко расплачиваться. Правда, на войне рискуешь на порядок больше.

- Наверное, важно какой народ тебя окружает: выше и нижестоящие командиры, солдаты: новички или обстрелянные – побывавшие в боях? – Не унимался Федор.

- Надежность людей в подразделениях – девяносто процентов успеха.

- Квалифицированные решения командиров всех рангов на самочувствие солдат ведь тоже влияют? – задался вопросом Владимир.

- Естественно, особенно когда командующий солдатам и командирам лично известен. Принял дела, например, Жуков, и подчиненные – от командира и до солдата, сразу же почувствовали себя гораздо уверенней.

- О Жукове общественное мнение более или менее однозначно. А что Вы скажите о Верховном главнокомандующем. Ведь вы хорошо помните военное время, а его приказы испытывали на собственной шкуре. Ваше личное мнение о нем, как о командире и человеке. Сейчас чего только о нем не услышишь, - углубил тему Владимир.

- Верховный главнокомандующий на войне это Полубог, а Сталин был даже Богом, - так нам внушили еще до войны. Даже его бредовые поиски врагов в своей стране, включая и армию, воспринимали, как досадные, но неизбежные меры. Более того, уничтожение в 1937-39 гг. (считай перед самой войной), почти всей верхушки нашей армии, тоже считали правильным шагом. Вся пресса и судебная система работала на него. Пленение немцами в начале войны, по сути, всего Западного фронта было для всех чудовищной неожиданностью, и пресса обвиняла кого угодно, но не Сталина. Потому расстрел командующего фронтом Павлова и его заместителей тоже считали справедливым. А, оказалось, расстрелять надо было Сталина, а не Павлова. Это по его вине создалась такая обстановка на Западном фронте. В настоящее время, несмотря на малость свободного времени, я слежу за событиями в стране, и очень близко к сердцу воспринимаю полемику о тех порядках и о самом вожде. Что может сказать обыкновенный офицер о главнокомандующем? Я же не был членом Верховной ставки. Сейчас пользуюсь тем же источниками, что и все

граждане, естественно, имею своё мнение. Как военначальник, на генералиссимуса он не тянет, даже маршальского звания не достоин. Это дань его безграничному честолюбию, интриг, непорядочности. Жуков, как известно из него мемуаров, отговаривал Сталина от звания генералиссимуса, но тщетно.

- А как руководитель и как личность, что он из себя представлял, по вашему мнению? – Поддержал разговор Федор.

- Некоторые историки, особенно военные, да и писатели видят в нем незаурядную личность, гадают тайну его странных поступков, неординарных мыслей, даже видят в этом гениальность. По-моему, надо отталкиваться от другого: его наследственности - с хорошими и плохими сторонами, а плохого было гораздо больше. Он – дитё пьяницы, и не просто пьяницы, а запойного пьяницы, которых в народе зовут забулдыгами. Мне много приходилось в жизни наблюдать детей выпивох. Большинство из них: мужчины и женщины, став взрослыми, несут в себе вырожденческие наклонности: неуживчивость, черствость, упрямство, грубость, недоверчивость, они не гибки в своих взглядах и поступках, любят, чтоб все было по-ихнему. И самое интересное: все они в той или иной мере проецируются на личность Сталина. По той же причине они плохо вписываются в коллектив, потому им приходится с детства скрывать «букет качеств» своего характера. На этой почве у них развивается двуличие: одно поведение истинное, другое – публичное, для окружающих людей. Проследите, как он себя вел с ближайшими помощниками, допустим, членами Политбюро. Он мог грубить, орать, впадать в психоз, а на митингах и парадах, помахивая рукой, елейно улыбался. Его лицедейство, плюс тот самый выше упомянутый личностный «букет», как снежный ком, порождает целый ряд других отрицательных поступков, например, безжалостность, за свои же проколы подставлять других, предавать ближайших сослуживцев, в итоге: к своей цели он идет через трупы близких и дальних невинных людей.

- Так это же помойка, а не человек, - подытожил Владимир.

- Может это слишком сильно сказано, но в принципе верно. У Сталина все эти качества в разной степени наблюдались. Он же, где это надо, мог быть очень обаятельным, прямо-таки душой-человеком, об этом, исходя из личных контактов с вождем, говорил Н.С.Хрущев. В непредсказуемых и нелепых его поступках, как я уже говорил, многие видят оригинальность и даже гениальность, но это искалеченная еще в утробе матери личность, вызванная систематическим пьянством отца.

- «Кто - есть кто» на самом деле, отражается даже в мелких деталях, вы заметили в документальных фильмах, какая у него гадкая улыбка? Вокруг него столько было неглупых людей, неужели они не разглядели его? – заметил Владимир.

- Думаю, разглядели, но поздно было что-то менять, да и дела в стране бурно развивались. Другой вопрос: в какую сторону и какой ценой, но об

этом никто толком не знал. Ведь он был сильный идеолог и гениальный интриган. Этим он волей и неволей занимался с молодых лет и всю жизнь. Что стоит его слова: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы», кстати, выражение, принадлежащее не ему. И он старался, чтоб этих человеческих проблем вокруг его было как можно меньше. Ведь многие его сподвижники шли в революцию с чистым сердцем, не подозревая, что около них обыкновенный криминальный элемент, да еще с такой «начинкой». Людей, стоящих на его пути он убирал не своими руками, да и трусоват он был для этого. А те, что работали на него и много знали, он позднее тоже ликвидировал. И только самых близких и покорных, безоглядно поддакивающих ему, по сути, - шестерок, таких, как Ворошилов, Молотов, Каганович, он не трогал, может даже верил им. Этот дьявольский конвейер смерти сопровождал его в течение всей жизни.

- Для подобных поступков тоже надо быть неглупым человеком – возразил Федор.

- Безусловно, тем более, под его рукой был огромный аппарат и он умел использовать чужие мозги, потому и играл в коллективизм управления, умел выслушивать и использовать чужие суждения, оставаясь жестоким диктатором. Собственные мысли Сталина были редко логичны и дальновидны. Например, его лозунг: «С дальнейшим строительством социализма будет увеличиваться сопротивление членов общества». Это банальная чушь: понятно любому нормальному человеку. И как дорого обошелся этот лозунг нашему народу. Ибо служил одним из постулатов поиска врагов народа. Термин «враг народа» - тоже его изобретение. Еще не ясно во что обойдется его детище – колхозы нашей стране, может гибелью села. Обладая болезненной подозрительностью – видя всюду недоброжелателей и врагов (каждый человек судит по себе), круговая слежка друг за другом, всё это вместе взятое, выжигало души людей.

- Получается, Джугашвили – проклятие для нашей страны, - заключил Владимир.

- Получается. Оппоненты ставят ему в заслугу индустриализацию страны, собиравание бывшей Российской империи, победу в войне, но какой чудовищной ценой это сделано. От моих сверстников, т.е. моего года рождения осталось в живых всего три процента. Юношей еще не окрепших – полудетей, обучили кое-как боевой подготовке. Показали, как выстрелить, заметьте, обучение стрельбе, навыкам стрельбе они пройти не успели. Мои одноклассники не только не успели оставить потомства, они еще полюбить не успели, а их молодых, еще зеленых, не целованных, не повидавших жизни, послали фактически на убой. Да и войны, возможно, не было бы, если не эта одиозная личность.

Выражаясь словами А.П. Чехова, мы никак не можем выдавить из себя раба. Чем выше пост у человека, тем более положительными качествами мы его наделяем. Однако, как я посмотрю вокруг, все как раз наоборот. Этот, с

позволения сказать – «вождь всех времен и народов» искалечил замечательные моральные качества русского человека. Он людей кровью и потом переделывал под себя, плодил себе подобных. Чего стоят нашему обществу тотальная слежка, доносы, предательства, лицедейство, жестокость. А сколько человеческих жизней страна потеряла по его прямой вине. Любопытные данные: в 1913 году Французские ученые высчитали, что в Российской империи 500 миллионов жителей будет уже в 1948 году. На дворе 1979 идет, а нас всего-то около двухсот миллионов.

Я не знаю, Сталину принадлежат или нет циничные слова, но он любил их повторять: «Гибель одного человека – трагедия, гибель многих – статистика». И вот она - чудовищная статистика: за освобождение, например, Польши Советская армия недосчиталась 620 тысяч наших воинов, за освобождение Румынии – 280 тысяч, и так далее. Давайте взглянем более предметно на приведенные цифры, и мысленно уложим 620 тысяч погибших, молодых и красивых наших ребят рядком – плечо к плечу. Будем считать комплекцию каждого в среднем 50-го размера. Следовательно, на каждом погонном метре уложатся два человека, и вереница тел вытянется на 310000 метров, или 310 километров. Сколько надо пешком идти вдоль этого ряда погибших, подсчитайте сами. Средняя скорость пешехода около пяти километров.

Самая вредная личность за всю историю государства. Людям должно быть неудобно, что жила в одной стране с нами и даже управляла такая негативная личность. А его пытаются превозносить некоторые авторы, зарабатывая (попросту - продаваясь), на этом поприще. Заметь, его раньше всюду игнорировали, и он тонко, через подставных лиц себя навязывал, убирая будущих соперников. В конце концов: пользуясь доверчивостью русского человека, под его началом оказалось огромное государство. Великий народ оказался под каблуком вырожденца – какая нелепость.

- Пожил бы Ленин еще лет десять – пятнадцать и мы бы жили в другой стране, - предположил Федор.

- Каким бы не был Ленин радикалом, безбожником и тоже безжалостным, он был способен анализировать ситуацию. После Гражданской войны многое переоценил, отбросил левацкие замашки, стал отталкиваться от экономических законов. Его НЭП в считанные годы создал в стране изобилие продуктов. Отец мне рассказывал, что никогда не было в магазинах столько продуктов, доступных по цене для простого человека, даже при царском режиме, как в годы НЭПа. От обилия разных сортов колбасы глаза разбегались. Крестьяне работали на своей земле, старались применять самые передовые технологии, создавали товарищества. Действительно добровольные товарищества по обработке земли, опять-таки отталкивались от экономики и выгоды коллективного труда.

Не стало Ленина, и все его задумки были забыты. Хотя людям вдалбливалось о мифических клятвах Сталина, данных якобы Ленину, о

преимущества политики. Это было лицедейство, которое сопровождало Джугашвили всю его непутевую жизнь. Передовых тружеников земли начали ссылать семьями с малыми детьми и стариками, часто на верную гибель, отобрав все имущество. Это ли не безумие. А как загоняли людей в колхозы, - это ли не маразм! Он, конечно, маскировался Постановлениями ЦК партии и Правительства, но выполнял их, когда они совпадали с его мнением.

- Никанорыч, ты столько знаешь, - чего всем знать не положено, о таких вещах, на всякий случай, хоть принародно не говори, ведь антисоветская статья действует, - посоветовал Владимир.

- Эх, мужики, это уже наша история, да и отбоялся я еще на фронте! Вот, на мой взгляд, почему Алилуева – жена Сталина застрелилась? Да она поняла, что около её оборотень, чудовище, которое к тому же управляет страной совсем не на тех принципах, за которые боролись старые революционеры, в том числе её родственники. Чувство выдержки и общественной пользы ей изменило в тот момент, а жаль, ведь она на него имела влияние, и может, не было бы столько кровавых жертв, да еще перед самой войной...

В комнату вошла Павлина Карловна:

- Андрей, тебя к телефону - управляющий просит. Я поначалу сказала, что тебя дома нет, потом подумала, – может ты у ребят, так оно и оказалось.

С тех пор, как поселились в садовом домике ярославцы, хозяйка ни разу здесь не была, потому с интересом обвела взглядом помещение и осведомилась:

- Федя, Володя, вам здесь нормально, по ночам не мерзнете? Да и постельное белье пора сменить, сегодня же пришло Юльку.

- Жарко бывает, особенно днем, но чтоб мерзнуть среди лета!

Поездка в святые места

В предстоящий выходной, по предложению женского персонала от заводских рабочих, решили съездить в Сергиеву Лавру (тогда еще Загорск). Благо – автобус был заводской, и еще один - попросили у директора совхоза. Федор накануне поездки, припозднившись по пути с работы, зашел в хозяйский дом, чтоб пригласить все семейство за компанию в Загорск. Хотел было пройти в главную – большую комнату, называемую залом. По пути справа надо было миновать другую комнату, дверь которой была открыта. Он взглянул - и невольно на миг приостановился. В спальне (видимо, умаялась за день), раскинувшись, спала Павлина Карловна. Её дородные руки были заброшены за голову, а распущенные волосы разметались по подушке и стекали темным водопадом с кровати почти до самого пола. «Даже во сне она смотрится царицей» - мелькнула мысль.

Он, постучавшись, вошел в зал. Все остальное семейство смотрело телевизор. Предложение Федора поддержано не было. Андрей Никанорович за всех сказал:

- Мы же бываем в Загорске, а потом это и не очень удобно.

Однако у Юли было другое мнение:

- А я поеду!

Арина Дмитриевна вопросительно посмотрела на главу семейства.

- Да пусть едет! Впрочем, Федору – как старшему группы, Юля, будет не до тебя, народу-то слишком много. Лина, может ты возмёшься опекать сестренку?

Лина в ответ молча пожала своими красивыми плечами. И Федор, в который раз, обратил внимание на её красноречивое молчание. Юлька моментально воспользовалась предложением отца, подбежав, присела к сестре на колени, обняла за шею и, глядя в упор, спросила:

- Неужели ты меня подведешь? Ведь еще раз такой поездки не будет!

Все, даже сдержанная бабушка, рассмеялись. «Да что же это за создание такое растет, еще ребенок, а все так ладно у неё получается» - опять подумалось Федору.

- Успокойся, не подведу, - почему-то покраснев, в тон ей ответила Лина.

Выезд был назначен в девять утра, потому утром по пути к автобусам Федор зашел за сестрами. Юлька крутилась перед зеркалом, видимо подражая сестре. Федора она встретила вопросом:

- Если будут свободные места, можно будет поехать моей самой близкой подружке?

- Можно! - Вы же, в случае чего, на одно место усядитесь! Когда же ты успеешь предупредить Дашу?

- Юлька была бы не Юлька, она встала спозаранку и сбегала к Даше! – Вмешалась мать, - Простите её бессовестную.

- Наоборот, она настоящая подруга – заботливая и добрая, - невольно вырвалось у Федора.

Юля радостно вспыхнула и в оправдание проговорила:

- Не честно будет, я поеду, а она нет!

- Ну, Елизавета, придется тебе теперь с двоими вожжаться, - промолвила мать.

По дороге к автобусам Федор тревожился, как бы не пришло слишком много желающих, но он ошибся. Добрая половина мужчин, видимо, не горела желанием путешествовать, так что несколько мест остались свободными. Водителя совхозного автобуса Андрей Никанорович, присутствующий при отъезде, попросил ехать первым, как местного жителя и более знающего окрестности, а Володю посадил туда за старшего. Федор уселся рядом с Линой в заводской автобус, а Юля с подружкой разместились позади их. Когда автобусы тронулись, Юля с сожалением произнесла:

- Места есть свободные, Вера и Таня могли бы поехать!

По поводу чего старшая сестра сдержанно хмыкнула.

По пути к Лавре Федор спрашивал Елизавету о селениях, через которые проезжали, и она каждый раз могла что-то сказать. А во время заминок сестры, - встревала Юля, ссылаясь на рассказы отца, чем опять-таки удивила Федора. Лина оказалось девушкой разговорчивой, понимала шутки, с юмором отвечала на его комплименты. Когда он сказал, что все ребята в автобусе не сводят с неё глаз (и это была правда), она вполголоса пропела известную частушку из репертуара ансамбля «Ярославские ребята»:

«Ярославские робята
Ходят надушенные,
А в кино билеты купют
Самые дешёвые».

И уж совсем удивила, на вопрос, довольна ли она своей внешностью, она уверенно ответила, – нет. Он спросил:

- Кто по её мнению может быть доволен своей внешностью из едущих в автобусе женщин и мужчин?

Она незаметно, якобы обращаясь к сестре, обвела глазами сидящих пассажиров, и тихо назвала место женщины в автобусе, и добавила: «Что с конопушками на лице и рыжеватыми волосами». Федору и оборачиваться не надо было: рыжеволосая единственная среди заводских женщин, - инженер заводской «Центральной химической лаборатории» - Галина Владимировна. У неё действительно были правильные черты чуть продолговатого, даже летом, белого лица с крапинками пигментных пятен. Она окончила школу и институт с красным дипломом, умненькая, уравновешенная. Федору почему-то припомнился разговор с Галиной за несколько дней до её свадьбы. При встрече около заводууправления Федор тогда поинтересовался, кто же является её избранником, она с гордостью ответила:

- Простой советский человек, рабочий.

Говорила она вполне искренне, – это была дань тогдашнему общественному мнению. Полюбила и все, а люди у нас в стране по социальному признаку все равны.

На Елизаветин выбор он вслух пошутил:

- Идеал по принципу – «рыжие да рябые самые дорогие»? Думаю, она тоже не может быть довольна своей внешностью, и дело не в конопушках, а в её росте – 173 сантиметра, что ей не по нраву.

- Откуда же мне видеть её фигуру, а потом – это хороший рост.

- Ну, а из ярославских кавалеров кого выделите?

Лина опять обернулась к подружкам:

- Может, споете что-нибудь, остальные вам подтянут.

- Вот еще – мы стесняемся, подумают: «приперлись тут какие-то, да еще запели», - отреагировала Юля.

- Лина сдержанно хохотнула, а Федору тихо сказала:

- Предпоследний ряд с той стороны, около окна.

На этот раз Федору пришлось оглянуться, это был Сергей Березин – лучший косец из его бригады. Он был среднего роста и не красавчик, хотя с правильными чертами лица, русский, хорошо сложен, в толпе даже незаметный, но в его облике было что-то притягательное. Своей соседке он сказал:

- Хороший у Вас вкус, а как он красиво косит, Вы бы посмотрели! Взмах широкий, легкий, с таким прочерком, прямо-таки залюбуешься, не работа – искусство!

- Придется прийти – посмотреть, - с вызовом сказала она.

- И все-таки я искренне удивляюсь, где Вы видите свои недостатки! Чисто русский менталитет: «что имеем – не ценим!»

- Не хочу говорить о личных достоинствах. О недостатках надо думать, вот и в институт не сдала – разве достоинство.

- А почему мы с внешности перешли на поступки?

- А разве, допустим, умные глаза не украшают внешность, а от ума и поступки!

- Иш-ты! – только и мог сказать собеседник

- Так вот, у той девушки глаза умные! – Добавила Лина.

- Так вот, у той девушки, что сразу подметила умные глаза, свои - тоже не глупые.

- В глаза хвалят только дурочек.

- Здесь с Вами все ясно. Тогда школьный вопрос на засыпку можно?

- Валяйте!

- В вашем выпускном классе были ребята и девчата, с которыми Вы были дружны, и почему?

- Люди-то все разные, сразу и не скажешь.

- Хотя бы среди ваших друзей, какие черты особенно нравились?

- Зоя, что приходит к нам на качели, веселая, заводила, умеет держать язык за зубами, я ей могу доверить любые тайны, человечная, расспросит о всех моих невзгодах. Когда я не прошла по конкурсу в медицинский институт, она даже всплакнула. Мы дружим с седьмого класса. Одноклассника Рому тоже уважаю, порядочный очень, всегда с улыбочкой, любит пошутить с подковырочкой, но не обидит при этом. Тоже, как и Зоя, легко учится. Еще с Виктором и Мариной у меня очень хорошие отношения. А вообще-то у меня со всем классом приятельские отношения.

- И учителями всеми была довольна?

- Не всеми одинаково, но не любимых – не было. И предметов нелюбимых не было. Другой раз кто-то из девочек говорит: «Ой, как не хочется идти на этот урок». Я на все предметы шла с желанием. Обычно не любят тот предмет, по которому не успевают или учитель не нравится.

- Получается, хороший учитель свой предмет может сделать любимым для всех учеников?!

- Может, и не для всех, а для большинства, есть же лентяи или учеба не дается, - твердо сказала девушка.

- Вы имеете виду старшие классы?!

- Ну, да! В старших классах, тем более – в институтах, тупиц не бывает, они отсеиваются до десятого класса.

- Хорошо, допустим, в какой-то школе благодаря талантливому руководителю – директору школы, собрались настоящие преподаватели, педагоги от Бога. И у всей школы в старших классах, все предметы станут любимыми? – Удивился Федор.

- Да, но в разной степени.

- Конкретно, в вашей школе, в этом смысле как?

- У нас не идеальный, но сильный состав учителей. Благодаря преподавателям и родителям конечно, я полюбила биологию, литературу, химию, математику, историю, русский, английский. Достаточно?

- Даже слишком. Вы с сестренкой в этом смысле чем-то похожи, - удивился Федор. - А литературные герои или исторические личности, которым бы Вы хотели подражать?

- В полной мере быть похожим, - таких литературных героев для меня нет. Даже Наташа Ростова – не идеал. Эти ахи и охи, теперь на них далеко не уедешь. Как реальные исторические личности меня восхищают Анна Керн и Екатерина П. Первая - чистотой помыслов, женственностью, верностью и страстью. Пушкин не разглядел Анну, поступил с ней примитивно, даже пошло, видимо, будущая жена Наталья затуманила ему мозги. Вы прочитайте внимательно дневники Керн, вникните в характер баронессы.

- У Анны Керн есть дневники?

- Здрасте – приехали! Об этом в школьной программе говорится.

- Ну, значит у меня издержки образования.

- Значит! А императрица покорила меня умом, трудолюбием, хваткой, кругозором, патриотизмом (не смотря, что немка) и потрясающей страстью. Старалась, как можно делать вреда, даже своим недругам. Но за трон держалась и укрепляла самодержавие. Прожила бы она лет сто пятьдесят, - весь мир мог быть у ног нашей императрицы, без кровопролитных войн. Возможно бы, вся планета сделалась одной конфедерацией стран...

- Ух, ты! – невольно вырвалось у собеседника. – Вы о ней, как о лично знакомой говорите...

В это мгновение Федора громко прервала Юлька:

- Да, что тебе эта Катька далась?! Угробила своего мужа, да еще ей подражать!

Федор расхохотался так громко, что в автобусе многие оглянулись.

- Вы не согласны со мной? – удивилась Лина, как будто выпада сестры и не было, видимо, сестра привыкла к Юлькиным неожиданностям.

- Почти согласен, - уж очень глубокие выводы. А рассмешили меня слова Вашей сестры, - и он обернулся к девочкам: - Не ожидал от юного

создания такого исторического кругозора, пусть и в пределах школьной программы!

- Я на её слова: «Ах, Екатерина – ах, Екатерина!» А мне Елизавета Петровна больше нравится! – отреагировала Юля.

Федор обернулся к девочкам: - У Елизаветы Петровны много хороших качеств, но вы же так углубленно историю еще не проходили?

- Со своей сестричкой я историю дважды прошла. Она начнет восхищаться кем-нибудь, а мне интересно: начинаю это место внимательно читать, чтоб иметь своё мнение, - снисходительным тоном ответила Юля.

Федор, молча показал большой палец девочкам, и встретил на лице Юли ответную, по детски прямодушную, вспышку радости.

- Я считаю Екатерину II выше Петра I, она была созидательнее его, потому что он не только реформировал, но и разрушал. Еще надо разобраться: чего больше в его реформах: хорошего или плохого – продолжала Лина. – До его правления россияне не курили совсем и практически не пили. Он буквально навязывал эти мерзкие привычки своему окружению.

Федор почувствовал в ней не только красивую внешность, но и глубокую умом девушку, в следующее мгновение, не подумав, как следует, выпалил:

- Лина, да у нас родственные души, нам надо дружить семьями.

- Вы уверены... - Она посмотрела на него дольше положенного своими угольками черных глаз, и тон ответа её был таким, будто он предложил спрыгнуть с высокого забора.

Федор, как человек женатый, и не предполагал, на какую богатую почву – какой чернозем ложатся его слова. И продолжая в том же духе, спросил:

- А такие деятели, как Герцен или Чернышевский чем Вас удивили?

- Женщины мне более по душе, они романтичны даже в практических вопросах. Герцен – глыба, он столько оставил для нас впечатлений о его эпохе, его цепкий, прагматичный ум для того времени, просто восхищает. А Чернышевский – радикал, его постоянно заносит в крайности. Временами он просто лжив, особенно в эстетических вопросах. Якобы, болото не может быть красиво или жаба, то ли лягушка, уж не помню, безобразна. В природе все по-своему красиво, а болото может быть прекраснее любого парка...

- Елизавета!? Я тоже самое думал о болоте, когда читал его описания. Пышная яркая растительность низких мест, зеркала водной глади бочагов с длинными перьями рогоза, цветением дурман-травы и изумрудно-зеленые заросли осоки не могут быть некрасивыми. Если человек так грубо ошибается в элементарных вопросах, закрадывается сомнение и по другим его суждениям. – Федор посмотрел заговорчески на девушку и пошутил: - Пока мы едем до Лавры, смотришь, опрокинем кумира молодежи конца XIX века.

- Нет, не будем заниматься этим скучным делом, оставим для других. Лучше теперь я буду задавать Вам вопросы, задавать-то легче, чем отвечать. Впрочем, оставим для лучших времен, скоро мы в Загорске.

- Тогда еще один - последний вопрос?

- Ладно, только последний!

- Почему Вас целый день нет дома? Сестренка ваша постоянно где-то на глазах, а Вы лишь ночевать приходите.

- Сестренка? Сестренка не больше меня находится дома. Она чаще бывает вечером, когда и Вы приходите с работы. А я чаще бываю днем, – помогаю маме по дому. Вечером у меня самодеятельность, друзья и еще одна причина, о которой говорить не буду.

Федор понял, что вторгся в деликатную сферу девушки и перевел разговор на другую тему:

- У Вас очень занятная сестра, в двенадцать лет и такая самостоятельная в суждениях, в поступках, заразительная интересная девочка!

- Для Вас, человека нового, она лишь занятная, как допустим, игривый котенок или щенок, - Лина, чтобы Юля не услышала, перешла на полушёпот, - А для меня и родителей она слишком своевольная, чего захочет - не остановишь. Сейчас она созревает как личность и надо иногда осаживать, чтоб чаще прислушивалась к старшим по возрасту. Нескромность, эгоизм не украшает людей, а девочек и во все - могут попасть в нехорошую историю.

- По-моему, Вы преувеличиваете...

- Может быть, но в подобных случаях лучше переборщить, - прервала его девушка. – А потом, ей недостает взрослого брата, - братик Ника не в счет - он мал, потому Юлька и тянется к Вам. Вот и помогайте воспитывать «занятную сестру».

- О-о-о! - Озадачился Федор. – Получается, мне надо вести с ней очень ответственно. Он обернулся назад, - девочки играли в какую-то игру.

- Получается.... На наш взгляд, Вы и ведете себя с ней более менее ответственно, но будьте с ней поостороже. Однако мы отклонились. Хочу узнать Ваше мнение: в семье, например, у нас нет единого мнения: могут ли быть просто друзьями - хорошими друзьями (без известных чувств) люди разного пола?

- Понятие непростое. Ох, непростое! Многие в это не верят, особенно женщины, и соответственно поступают. Я замечал и не однажды: выходит девушка замуж и конец дружеским отношениям. По-моему, сторонников такой дружбы больше среди наиболее образованного слоя общества. Лично я верю, хотя подобная дружба нередко переходит известные границы. Хорошо, если перешли эту самую границу оба и обрели личное счастье, а чаще кто-то один увлечется, и тогда получается человеческая трагедия. Особенно тяжело переживается, когда человека давно знаешь, ценишь и веришь в него.

- Понятно... – о чем-то думая, сказала девушка. - А конкретно с Вами это случилось?

- Было и с тяжелыми последствиями, а с какой стороны, это уж второй вопрос.

- Вот Вы пожили в деревне и в городе. Где у человека должно пройти детство? Как лучше для его развития? У нас в семье как-то зашел разговор на эту тему, бабушка говорит, что в городе ребенок развивается лучше, а отец считает: в сельской местности подростки становятся физически более развитые и здоровые, более деловые и не ленятся.

- Может, они оба по-своему правы, не зря же говорится: «Где родился – там и пригодился». Много зависит от семьи и людей, которые тебя окружают. В деревнях, как правило, нет детских садов, пионерских лагерей, а они развивают кругозор, прививают общительность, контактность, словом, ребенок развивается быстрее. Более того, в городе больше разных кружков самодеятельности, детских студий, - ребенок может выбрать любимое дело и на всю жизнь. Вы то на чьей стороне?

- На стороне отца, я выросла в деревне и мне здесь нравится.

- Говорили в семье и о такой деликатной теме, – впрочем, мне с Вами говорить об этом неудобно.

- Мы же с вами не на совхозном собрании, разговор между нами. Помнишь уговор твоей бабушки, чтоб ничто и никуда не утекало. – Федор осторожно обернулся назад, - сестра с подругой увлеченно о чем-то спорили.

- Мне неудобно, но просто не с кем посоветоваться на эту тему. Мою подружку парень склоняет к сожительству, говорит, что девушке в наше время терять девственность до брачной ночи даже модно?

- Эта тема и во всё непростая, - задумавшись, произнес Федор. - В Японии и на Западе возвращаются на «круга свои». Стало модным до брачной ночи девственность сохранять, а уж случилось такое, кто потерял её – восстанавливают операционным путем.

- Восстанавливают! - хохотнула девушка, - Так это путь к разврату. Нагулялась девица, походила по рукам, даже, прости Господи, гулящей стала, может аборт сделала, и рожать не может, а зарегистрировать брак пошла недотрогой!

- Все и так, но и хорошая сторона в новых веяниях есть. Впрочем, нам пока это не грозит. Наше общество движется в противоположном направлении. С точки зрения мужчины, любить непорочную девушку физически труднее, но какие чувства и эмоции фонтанируют при этом. Состояние недостижимости, загадочности, святости, даже обожествления, превосходят сексуальную некомфортность. Девушку – девственницу обычно не бросают, если друг Вашей приятельницы нормальный человек, должен это понимать. Хотя молодые люди, часто домогаясь близости, угрожают девушке, что если ты мне не отдашься, – я тебя брошу. Не надо поддаваться на эти дешёвые уловки. Наоборот, пусть не сразу, он может бросить Вашу

подругу, если они физически живут. Со временем его потянет на другую, еще не потерявшую девичью честь. Если для него секс на первом месте, значит любовь – на втором, третьем, а может её нет и вовсе.

Девушка, глядя перед собой, слушала очень внимательно, и как бы очнувшись, предложила:

- Впрочем, надоели эти серьезные разговоры, вон девушки поют, - поможем им.

- Не только девушки, но и сестренка твоя с подружкой стараются, - согласился Федор.

Вскоре автобусы выкатили на стоянку перед массивной стеной знаменитой Лавры, о которой можно сказать: самый уникальный памятник истории, самый уникальный памятник зодчества, самый уникальный памятник православия... Слово «самый» можно употреблять долго. Но Лавра еще, как думалось Федору, самое красивое место на нашей земле. Когда ему приходилось ехать на электричке в Москву или обратно (благо железная дорога проходит рядом с Лаврой), старался полюбоваться из окна, а то и сфотографировать в открытое окно великолепные храмы. И всегда, в зависимости от погоды и времени дня, на фото храмы и строения получались разными.

Они большой толпой шли по территории Лавры. Перед ними оказался служитель церкви преклонных лет с удивительно добрым и красивым лицом. Борода и волосы его были совершенно седыми. О таких старцах говорят: «белый как лунь». Одна из женщин подошла к нему под благословение. Завязался разговор. Первыми словами старца были:

- Куда вы так бежите. Оглянитесь неспешно, подумайте о вечном, о себе, о близких. Посетите храм перекрестясь, поставьте свечки, пообщайтесь с Всевышним. Вы же в Божьих местах.

Кто-то из женщин попросил:

- Может, Вы поговорите с нами об истории этих святых мест?

- Поговорить можно, - светясь доброй улыбкой, ответил старец. – Сколько успею, сейчас вашим вниманием завладеют рассказчики более умелые.

Группа тесным скопом окружили святого отца.

- Наиболее вероятная дата основания монастыря 1345 год. Основатель и первый игумен монастыря – Сергей Радонежский. Вначале игумен Сергей возвел на горе Маковец маленькую церковку, посвятив её Троице. Рядом с ней поставил келью-сруб. По его примеру вокруг церковки стали ставить свои кельи и другие монахи, кто - где смог, без всякого плана. С ростом монастыря Сергей сделал его перепланировку и распорядился ставить кельи «четверообразно» – по периметру прямоугольника, а посреди их церковь и трапезную. Вся территорию - прямоугольник обнесли высоким забором из дубовых бревен. Эта планировка была принята за основу при всех её дальнейших перестройках.

Официально мы считаем, что освободились от татарского ига в 1380 году. Но, орда еще была сильна, и хан Едигей в 1408 году сделал набег на Московию, разорил Москву и дотла сжег этот монастырь. Преемник Сергия Радонежского игумен Никон заново отстроил монастырь. Канонизация Сергия Радонежского в 1422 году дала новый толчок строительства не только этого монастыря, но и других обителей. Ведь здесь был захоронен самый почитаемый деятель русской церкви.

Помимо того, Сергей Радонежский всю свою праведную жизнь выступал за объединение русских земель против монголо-татарских завоевателей. В тот же период строится первый каменный храм монастыря - Троицкий Собор в 1422г. Его возвели над гробом святого Сергия Радонежского...

В этот момент к ним подошла женщина и сказала, что должна делать группе обзорную лекцию.

- Сказал, что успел, дети мои, - произнес на прощание святой отец.

Неожиданный отъезд

Посещение Троице-Сергиевой Лавры было последним светлым моментом совхозной жизни ярославцев, дальше была работа, как говорится, до одури. Заканчивался месячный срок пребывания ярославцев в совхозе, до отъезда оставалась несколько дней, и надо было уложиться в нормативы, которые спускались и для горожан. Дожди снова зарядили бесконечной чередой. Полусырое сено пришлось опять складывать в стога, с каркасом и пустотой внутри. Руководство совхоза, как уже говорилось, не очень верило в эту, якобы старинную затею, да и мы тоже, но погода диктовала свои условия.

Федор по-прежнему вставал на рассвете и уходил с бригадой косцов - «ловить росу». Руководство совхоза приберегло от потравы колхозным стадом поля с молодым клевером, - несколько карт среди леса. Косить молодую отаву механической косилкой не было смысла. В ручную – косить косой нежный клеверок поддавался легко, и бригада работала с удовольствием. Сказывалась привычка к нелегкому труду, за месячный срок молодежь вполне адаптировалась к физической работе.

Для Федора эта работа, как уже говорилось, длилась до обеда, после обеда он занимался работой, свойственной для совхозного бригадира, приходил домой поздно и сразу ложился спать. Питались в столовой ярославцы три раза, кормили их вполне прилично. После ужина у Федора появлялись какие-то дела, потому с домочатцами, за исключением хозяина, он практически не виделся. До отъезда оставалось двое суток и Павлина Карловна, встретив Федора и Владимира по пути в столовую рано утром, сообщила:

- Завтра вечером придите пораньше с работы – в семь вечера будет прощальное чаепитие.

- А Вам это будет не в тягость? - Осведомился Владимир.

-хлопоты не велики, - последовал ответ.

Тут заспанная Юлька зачем-то спозаранку выбежала из дома и сходу в приказном порядке:

- Чтоб к чаю оба были!

- Ну, тогда деваться некуда, - ответил Федор, приложив по-военному руку к выгоревшей шляпе.

В связи с этим, невольно вспомнишь еще раз любимую поговорку Никанорыча: «Если хочешь рассмешить Всевышнего – расскажи ему о своих планах». В тот же день поздно вечером к постояльцам прибежала Юлька и сообщила Федору:

- Тебе с завода звонит какой-то Саватин. Говорит: «найдите, очень нужно».

Когда Федор взял трубку, издали прозвучало:

- Завтра в 10 часов утра за вами придут автобусы, реши все вопросы с руководством совхоза, в том числе с деньгами. Дело в том, что если не завтра, то прислать автобусы в ближайшие дни не получится.

- Да, но за вычетом питания, ребятам какие-то рубли причитаются. До 10 часов утра бухгалтерия не успеет рассчитать нас?

- Я сейчас свяжусь с директором совхоза, попрошу в виде исключения, отпустить вас на день раньше и успеть рассчитать. Давай, действуй, удачи! – И он положил трубку.

- Что-то случилось? – Озабоченно спросила Павлина Карловна, в этот момент хлопотавшая на кухне.

- Собственно - нет! Просто мы уезжаем на сутки раньше намеченного срока.

- А как же ужин?! – огорчилась Юля.

Её глаза смотрели на Федора печально и требовательно. Перед отъездом ему не хотелось делать неприятное девочке, и он ничего в это мгновение не нашелся ответить, как:

- Юля, а давай, исправим эту ситуацию!

- Как же исправим? – девочка удивленно распахнула глаза.

- Я с 15-го сентября иду в отпуск и дня на три на своем «Жигуленке» приеду сюда. Мы съездим на дачу Шаляпина, потом - на реку Итларь, там - в селе Пречистом живет мой приятель - лесник. Возьмем с собой папу, маму, сестренку, братика – всех, кто пожелает. А какой храм там, с колоннами, стоит на возвышенности!

- У тебя есть машина? Почему ты на ней не приехал? За месяц мы бы везде побывали! – недоуменно предположила Юля.

Мать осуждающе засмеялась: - Юля?! Он ведь сюда приехал работать, а не на машине раскатывать!

- А мы бы всё успели! – Уверенно произнесла девочка.
- «Мы - Николай П», - укоризненно сказала мать. Спать тебе пора, да и нам – тоже.

- Пусть он вначале скажет, какого числа приедет?

- Юля! – Мать виновато пожала плечами.

- Он же сам сказал, что мы - друзья.

- Ты права Юля, приеду к вам в первый выходной, как оформлю свой отпуск с 15 сентября, посмотришь по календарю какое это число. Так вот: в первое воскресенье после 15-го в первой половине дня буду у вас.

- Ура!!! – Взвизгнула Юля и, подняв руки, захлопала в ладоши. - А вот теперь спокойной ночи! - заключила она.

Когда Федор пришел к себе, Владимир молча, вопросительно взглянул на приятеля.

- Есть новости дружище! Пойдем, сейчас же предупредим всех! Завтра в 10 часов утра за нами придут заводские автобусы, уезжаем на день раньше, - на заводе с транспортом по известной причине напряженка, вывести нас после завтра не получается.

- Вот и хорошо, «в гостях хорошо, а дома лучше», - произнес Владимир. – Как только оповестим людей, давай качнемся на качелях на прощание, все почему-то как следует - не удавалось. На улице еще светло, все видно.

- Да, уж давай! – согласился Федор.

- Начнем оповещать с женщин, - предложил Владимир, - Они раньше мужчин спать ложатся.

По дороге Федор рассказал приятелю о своем обещании приехать к хозяевам в первый выходной после, как пойдет в отпуск, а отпуск с 15-го сентября.

- Ты не хочешь составить мне кампанию?

- Пока ничего не могу сказать, какие планы у моих домашних, отпуск-то я отгулял. - И сразу предложил: - Вначале – в столовую зайдем, определимся с завтраком, ведь люди сейчас спросят.

- Твоя - правда, договоримся вначале в столовой, если завтрак будет в восемь – тридцать, то, наверное, всех устроит.

В столовой пришлось задержаться, дежурная принялась звонить домой заведующей столовой. В итоге, когда подошли к женскому общежитию - света у них уже не было.

- Они и, правда, улеглись спать, - придется побеспокоить, - сказал Федор.

- Устают все-таки, - резюмировал Владимир.

На стук в дверь Альбина Заякина, открыв форточку, требовательно заявила: - Мы устали и легли спать... - Но, увидев Владимира с Федором, осеклась – Что-то важное?!

- Приятные новости: завтра уезжаем домой. В десять утра всем быть возле столовой с вещами, На завтрак приходите в восемь-тридцать, - сообщил Федор.

Окно распахнулось полностью, зажегся свет, к окну подошли другие обитательницы, пришлось отвечать на разные вопросы. А надо было спешить и к другим заводчанам.

В результате, домой приятели вернулись уже в сумерки. На качелях была снята доска, Владимир успокоил:

- Я видел - куда её прятала Лина, сейчас схожу.

Дело в том, что самые высокие качели в селении стали настоящим паломничеством для старших подростков села, и доску хозяевам приходилось на ночь снимать. Федор, пока отсутствовал приятель, сделал из строп большую петлю, сел в неё, взявшись руками за веревки, попятился, разбежался и полетел: вначале вперед, потом – назад. Он загадал: остановится или нет до прихода Владимира, если остановятся – в сентябре они приедут сюда опять. Однако тот пришел быстро, даже амплитуда движения не уменьшилась.

- Тормози! - Приближаясь с доской, крикнул Владимир, - Минут через тридцать будет совсем темно.

- В июле ночью совсем темно не бывает, еще заря с зарею сходится.

- Может и сходится, да не так светло, как в июне, - возразил приятель.

Они сделали нужную высоту доски, затягивая веревки, Владимир поделился:

- Мне нравится момент, когда качели летят к земле, во всем теле какая-то легкость и сладостное замирание наступает.

- Знаешь у меня сладостное замирание при полете хоть вверх, хоть вниз. Наверное, не только мы это испытываем. Обрати внимание: под качелью росла густущая трава, а теперь растительность до земли выбита – сколько же народу здесь побывало?

Они одновременно взялись за веревки и встали на концы доски.

- Эх, так бы кто-нибудь и качнул для начала, - произнес Владимир, откидываясь назад, когда Федор отталкивался от доски ногами. Они уверенно начали набирать высоту, и приятель опять не удержался от эмоции:

- Слушай, я в сумерках немного теряюсь, зато кайф какой!

- Я – тоже, может, хватит раскачиваться, отдадимся воле волн! - Предложил Федор.

- Эва!... А я думаю, – кто же к нам ночью пробрался, ведь доску на ночь спрятали! – Раздался снизу осуждающий голос Елизаветы.

- А, мы думаем, - кто же к нам подкрался в ночных сумерках! - В тон ей ответил Владимир.

- А, еще мы думаем, - не посадить ли нам эту девушку в серединку качели! – поддержал приятеля Федор.

- А, я стою тут: когда же они догадаются остановиться! – Нашлась Елизавета.

Еще при довольно приличной амплитуде, девушка на ходу схватилась за веревку, немного пробежала и, ловко подпрыгнув, села на доску. Приятели даже ахнули от удивления.

- Лина! Как вы лихо наловчились! – Не удержался Владимир.

- И, правда! Может Вам в цирковое училище вместо медицинского надо поступать! – Поддержал Федор приятеля.

- Приезжайте к нам в следующее лето, и не такое увидите, - с достоинством ответила девушка. – А то вы уже, я слышала, намазались уезжать!

- Мы не против - и в следующий сенокос, - ответил Владимир, - У вас мы себя чувствовали почти дома.

- Истину глаголит мой приятель. У вас было нам комфортно, уважаемая Елизавета Андреевна. Все было как-то по-человечески, одним словом – все было как-то складно, даже Ваше имя и отчество звучит складно – «Елизавета Андреевна!»

- Чего складно-то, как у всех людей, - простодушно отреагировала Лина.

Они еще долго балагурили, вроде, как ни о чем, уже вечерняя заря почти погасла, - утренняя занялась, а они тихо покачиваясь, говорили и говорили, беззаботно и с удовольствием. Будто чувствовали, что разговаривают в последний раз.

Попрощались навсегда

По причине отъезда утром приятели проснулись поздно – в восьмом часу, и разбудил их по привычке хозяин дома. Завтрак по распоряжению Андрея Никаноровича, был перенесен на восемь часов, о чем он и оповестил молодых людей при побутке: «Пока работники столовой раскачиваются – будет восемь тридцать». Постояльцы, собрав вещи, на завтрак пошли аж в десятом часу. По пути хотели зайти в дом – проститься с радушными хозяевами, но вся семья, кроме хозяина – он был на работе, вышла к ним из дома попрощаться, даже маленький Ника успел проснуться.

- Ну, Никанор Андреевич, прощай, расти большой, умный и любознательный, - Владимир поднял его и подбросил на вытянутых руках. Хотел подобным же образом поступить с Юлей, но та увернулась:

- Я маленькая что ли!

С Линой Владимир простился за руку, а Павлине Карловне даже ручку поцеловал, при этом повторял, «Будьте здоровы и счастливы!», «Будьте здоровы и счастливы!». Федор, вслед за приятелем, делал тоже - самое. Ника он просто прижал к себе и подарил ему на прощанье компас, к великой радости малыша. Юлю тоже прижал к себе, поцеловав в чистый лобик, и

увидел, как глаза девочки повлажнели. Лину, против своего желания, не посмел прижать, а вот хозяйку чуть приобнял и повторял, как замороженный: «До скорой встречи», «До скорой встречи!» Члены семейства что-то произносили в ответ, и только Елизавета осталась верна себе - не произнесла ни слова. Она разводила ладошки, пожимала плечами, и черноокие глаза её то расширялись, то сужались. А когда молодые люди с рюкзаками за спиной уже тронулись в сторону выхода, Юля подбежала к Федору и по-детски с низу вверх, глядя ему в лицо, строго напомнила:

- Ты не забыл наш уговор?!

Краем глаза он увидел, как мать покачала головой, а Лина сделала удивленно-виноватое лицо. Федор в тон Юле строго ответил:

- Я свои обещания, Юличка, не забываю!

Приятель явился в столовую поздно вато и правильно сделали. За столами сидели несколько человек, остальные, все еще собирались. Приятель было принялся за завтрак, как в столовую вошел Андрей Никанорович, поздоровался со всеми, и присел к их столу:

- Сейчас подойдет сюда кассир и выдаст всем зарплату, естественно, за вычетом питания в столовой. Я думаю: до 10 часов она успеет. Не управится, так автобусы - не электричка, подождут немного

- Вот именно – не электричка, к 10-ти они обязательно опоздают, - резонно заметил Владимир, - Так что, как говорится, не извольте беспокоиться, кассир успеет.

- Андрей Никанорович, - обратился Федор к заму, - Я с 15-го сентября иду в отпуск, и в первый же выходной отпуска на своем «Жигуленке» хочу навестить приятеля - лесника и рыболова, он живет здесь неподалеку в Пречистом, что на реке Нерль. Хотим поколесить с ним по знаменитым местам, навестить дачу Шаляпина, сходить за клюквой. Юля, как узнала об этом, взяла с меня слово, чтобы её с подружками я тоже прихватил. Вы не возражаете?

- Да нет, конечно, но удобно ли тебе будет с ними возжаться?

- Мне даже веселей. Около обеда в воскресенье буду у вас. Может, и Вы всем семейством с нами махнете?

- Я, навряд ли, а домочатцы пусть сами решают, разве я против.

В столовую вошла совхозный кассир, и Андрей Никанорович поспешил к ней.

Автобусы действительно опоздали почти на полчаса, еще на полчаса задержались по причине всяких неурядиц со сборами, и в Ярославль люди прибыли на исходе рабочего дня. Была середина недели, а потому все обязаны были на другой день явиться на работу. Первая неделя на заводе для Федора прошла в навёрстывании упущенного. Причем, такое происходило с ним каждый раз при возвращении, допустим, из отпуска. Появлялись новые

нормативные акты, новые договора с поставщиками, новые исковые заявления и вновь назначенные арбитражные дела. Но на этот раз события начали развиваться совсем по другой схеме.

Недели через две Федора попросил зайти к себе заместитель директора по снабжению Мастеров Василий Павлович и сообщил: «Сейчас мне звонили из Петропавловска-Камчатского, там какие-то нелады с недавно поставленным нашим заводом судном-рефрижератором. Угрожают штрафными санкциями, срок гарантии судна еще не вышел, просят принять меры. Говорят, что уже выставили претензию на 107 тыс. рублей, претензия в пути, скоро получим».

- Не терпится, прямо с утра трезвонят, - вырвалось у Федора.

- Это у нас с утра, а у них конец рабочего дня. Я их успокоил, сообщил, что в середине сентября к ним прибудут главный юрист завода и главный строитель этого заказа. У тебя очередной отпуск с какого сентября?

- 15-го сентября.

- Считай, что тебе «повезло». Путевку никуда не брал?

- Еще не успел.

- Вот и хорошо, пришлось бы сдавать.

- А раньше выехать на Камчатку разве нельзя?

- В том-то и дело - нельзя, главный строитель на сдаточной базе в Таллине, на испытаниях другого судна.

Федору на другой день пришлось посылать Ивану - леснику в Пречистое телеграмму, что проезд откладывается на 7-10 дней, в связи с отъездом в командировку. С Юлей он обошелся деликатнее. Чтобы не было никаких сомнений, Федор вначале позвонил родителям, хозяина дома не было, к телефону подошла Павлина Карловна. Федор сообщил, что отпуск его откладывается, обрисовал ситуацию и посоветовался насчет Юли, как её убедить, ведь она с подружками, поди, собралась к Шаляпину в гости.

- Да уж протрезвонила все уши. Постараюсь объяснить ей, как появится дома, что у взрослых людей на первом месте обязанности связанные с работой.

- Вот и спасибо, детей обнадеживать негоже, а я как вернусь с командировки, позвоню вам. Поклон от меня Вашей маме и супругу, Лине, Юле и самому главному человечку - Нике.

Встречи не будет

Федор летел в командировку на Камчатку первый раз. За время пребывания там - его в этой поездке удивили несколько моментов. Во-первых: время полета – целых 12-ть часов, с дозаправкой в Якутске. Во-вторых: патриотизм местных жителей, они очень любят свою малую Родину и нигде, как на Камчатке, жить больше бы не хотели. Предки многих из них прибыли на Камчатку еще при Екатерине II, причем, добрая половина

пришельцев из тогдашней Малороссии. В-третьих: обилие красной рыбы и икры, что было в те годы большим дефицитом не только в Ярославле, но и в Москве. В-четвертых: теплые минеральные источники, очень целебные и чистые, плавай, сколько душе угодно, и круглый год. В зимнее время источники также теплые, как и летом. В-пятых: невиданный ранее своеобразный пейзаж - морской залив возле города, окруженный множеством сопок, и не только залив, - сам город находится среди сопок. В-шестых: люди – деловые и доброжелательные, немелочные и неконфликтные. Они, как представители завода-поставщика утрясли все недоразумения за три дня, с оформлением и подписанием необходимых документов. Представители Камчатских рыбаков вручили Ярославцам документ на отзыв своей ранее заявленной претензии.

А вот улететь с Камчатки в летнее время было непросто. Хотя заявка была сделана сразу по приезду, выбрались командировочные только на четвертый день. Остальные дни пришлось посвятить местным примечательностям, в том числе купанию в горячих источниках. Рыбаки, вроде как, были польщены нашим оперативным приездом, как они выразились, «из Европы». Когда камчадалы собираются в командировку или в отпуск в наши места, - так и говорят – «еду в Европу». Были неудобства со сном, слишком большая разница в часовых поясах. У нас еще день, - там уже глубокая ночь, и Ярославцы не можем уснуть. Начали было адаптироваться к местному времени - надо улетать. Непривычное было возвращение в «Европу». Взлетели они в 10 часов утра по местному времени, и в 10 часов утра (с какими-то минутами) приземлились в Москве, но тоже по местному времени. Все двенадцать часов полета солнце стояло на одной и той же высоте. Получается, лайнер летел со скоростью, равной скорости вращения земли.

Прилетев в Москву, заводчане поспешили в Министерство судостроительной промышленности на Садовое кольцо, решить (коли оказались в столице), кое-какие вопросы. А потом уж на Ярославский вокзал, попутно прихватив, в одном из московских магазинов колбасы и сливочного масла, так как в Ярославле в свободной продаже этих продуктов не было. Это было 25-го сентября. Пока Федор вновь переоформлял отпуск, и решал неотложные вопросы, прошло еще три дня и стало ясно, что к концу сентября ему уже ничто не мешает быть у приятеля в Пречистом, а в воскресенье в селе «Новоселки». Он решил в среду с работы позвонить на дом заместителю управляющего, а после работы с почты послать телеграмму приятелю-леснику.

К телефону подошла вроде Арина Дмитриевна и каким-то замогильным голосом очень тихо спросила: «Кто у телефона?»

- Здравствуйте, а это я – Федор! - Громко и радостно проговорил он в трубку и продолжил: - Мы только что вернулись с Камчатки и в воскресенье,

пусть и в конце сентября, как и обещал, буду у вас! Арина Дмитриевна, это вы? – осекся Федор.

- Я Феденька.

- А что же у Вас такой необычный голос – Вы заболели?

- Хуже, Феденька, гораздо хуже и она всхлипнула, телефон замолчал...

Телефон долго молчал, а у Федора закрутились мысли: «Сгорели что ли, может кто-то из деток искалечился на качелях или попал под трактор...» потом послышался шорох в трубке и поникший голос Арины Дмитриевны:

- Остались мы вдвоем с малышкой Никой...

- Как вдвоем! Почему? – У Федора даже зашевелились волосы на голове.

- Вся семья погибла, - и она опять всхлипнула...

- Да что же у вас произошло?

- Огромное горе придавило нас... – В трубке опять послышался спазм, – Погибли на автомобиле, навстречу им на крутом спуске выехал пьяный шофер, был дождь. Четыре дня назад как похоронили рядом с его родителями, - она говорила медленно и тяжело, будто на неё взвалили непомерную тяжесть.

- Дорогая Арина Дмитриевна, много у Вас было потрясений в жизни, но такого горя Господь еще Вам не посылал. Держитесь ради всего святого, ради старшего и младшего внуков, и примите мои соболезнования. Видимо, и правда, что Всевышний забирает лучших - такие люди гибнут. Господи, где же справедливость! Арина Дмитриевна, я после завтра заеду к вам, тогда и пообщаемся.

- Спасибо, но лучше попозднее. До свидания, - и она положила трубку.

«Ну что же, каждый по-своему переносит личное горе» – подумалось Федору. Он начал осознавать невероятно чудовищную весть. Нет Никанорыча – человека глубокого, прошедшего две войны. Нет Юли и Лины, ведь они только начали жить, светлые девочки, поистине - цветы жизни. Не стало Павлины Карловны, такой надежной и, казалось, вечной женщины. Просидев в глубоком раздумье несколько минут, он набрал номер телефона управляющего совхоза.

Из разговора выяснилось, что точно еще никто не знает подробности трагедии. Этим занимается следователь. Якобы, Андрей Никанорович был за рулем «УАЗика». На шоссе Москва – Ярославль, поднимались по «Чертовому спуску» - так зовут в народе самый крутой спуск недалеко от нашего села. Шел мелкий дождик. В совхозном «УАЗике» были: хозяин с супругой и две дочери. Навстречу им спускалась машина «Москвич», водитель его не справился с управлением и выехал на встречную полосу, - удар получился «лоб-в лоб». В «Москвиче» было три человека, - тоже все погибли, включая водителя. В крови у него обнаружен алкоголь и в большом количестве. Я был на место происшествия: картина не для слабонервных. Люди вылетали через лобовое стекло, на котором волосы прямо с кожей

остались. Когда подъехала «Скорая помощь» к месту аварии - в живых уже никого не было.

Месяца через полтора Федор позвонил Арине Дмитриевне, но телефон молчал. Он набрал телефон управляющего, его не было на месте. Взял трубку его новый заместитель и буквально ошарашил Федора: «Теща Андрея Никаноровича, продала дом и уехала к себе на родину, то ли в Ленинград, то ли в Ленинградскую область, толи еще куда, некоторые говорят, что в Эстонию. За ними приехали родственники Арины Дмитриевны и внук – офицер. Он, якобы, забрал бабушку и братишка к себе».

- А телефон они оставили?

- Не только телефона, но и адреса нового не оставили.

- Ничего не понимаю!

- Мы тоже в недоумении.

- У них была собака-умница Трезор, она где?

- Хозяева были умниками, а собака, как правило, похоже на своих хозяев. Трезор попал в хорошие руки, его взял один местный охотник, хороший мужик и опытный собаковод, ходит с Трезором на природу, отвлекает его. Трезор-то после смерти хозяев жалобно выл несколько дней. По росе - вечером и ночью его слышало все село. Некоторые женщины плакали вместе с собакой. Люди уважали Никанорыча и его семейство, ведь кроме добра, от них сельчане ничего другого не видели. На похороны собрались всё село, даже жители из окрестных деревень. Еле успел приехать старший сын. В школе начался учебный год, там в день похорон отменили занятия. Молодежи было больше, чем взрослых. Погибла примерная семья. Подобной трагедии в наших местах еще не бывало.

- Кому же достался дом семьи погибших?

- Купили какие-то приезжие, вроде как москвичи под дачу.

Поступки Арины Дмитриевны показались Федору странными, и он на другой день позвонил управляющему совхоза, но тот лишь подтвердил слова своего заместителя. Сказал, что об истинной причине уезда Арины Дмитриевны тоже ничего не знает, возможно, настоял на уезде старший внук. И под конец разговора сообщил две совхозные новости - приятную и не очень. Начал со второй: заведующую столовой он вынужден был уволить за обсчет посетителей, в том числе вас – городских рабочих. Другая новость: оказалось, что полусырое сено, которое мы стоговали, поверх каркаса, т.е. с пустотой в центре стога, сохранилось, и крестьянский вековой опыт взят в хозяйстве на вооружение.

Более года Федор пытался найти, хотя бы концы, с чего начать поиски Арины Дмитриевны. С кем только не советовался: обращался в милицию, разговаривал с ребятами из радио, но действенного ответа нигде не получал.

Шли годы, эмоции и память о трагедии, естественно, притупились. Однако время от времени продолжала беречь мысль о случившемся, -

трагической гибели, ставших близкими людей. Пусть, хотя бы эти строки станут памятником замечательной русской семье.

2002 –2011гг.